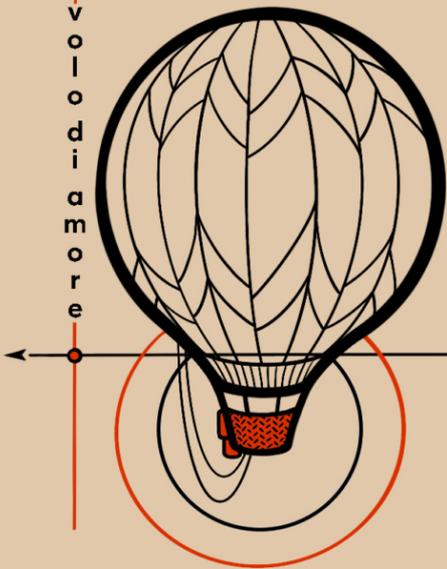
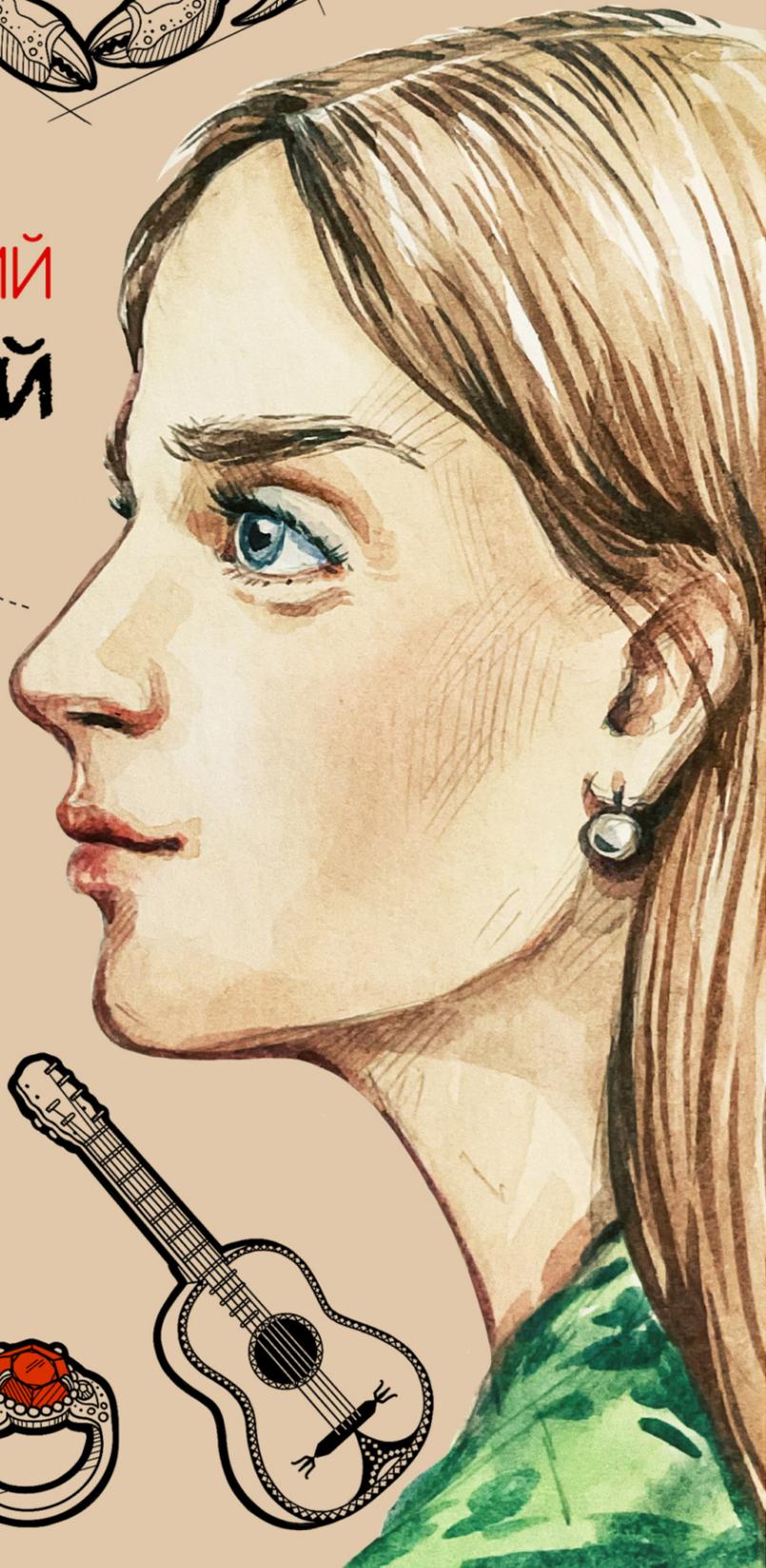

↑ v o l o d i a m o r e

СТАСС БАБИЦКИЙ
ПЕРЕЛЁТНЫЙ
ЖЕНИХ

книга третья

Перелётный жених

Стасс Бабицкий

Перелётный жених. Книга третья

«Книжное издательство Бабицкого»

2021

Бабицкий С.

Перелётный жених. Книга третья / С. Бабицкий — «Книжное издательство Бабицкого», 2021 — (Перелётный жених)

ISBN 978-5-907403-27-7

Лев Мартынов, ставший настоящей звездой Интернета, продолжает рискованное путешествие без паспорта, без телефона и без копейки в кармане. Большинство жителей планеты Земля уверены, что все это он затеял для того, чтобы доказать свою любовь прекрасной Александре. Только Следственный комитет, Интерпол и любимая девушка знают правду. В последнем томе трилогии «Перелётный жених» вы найдете ответы на самые неожиданные вопросы. Чем пахнут вомбаты? Куда подевался перстень Борджиа? Где скрываются беглые банкиры? А главное, - о, мы все, наконец-то, узнаем, - как закончится эта кругосветка - свадьбой или тюрьмой? Внимание! Всех слушателей аудиокниги ждет сюрприз: не пропустите сцену после титров, которой нет в текстовой версии романа.

ISBN 978-5-907403-27-7

© Бабицкий С., 2021
© Книжное издательство
Бабицкого, 2021

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Like (a rolling stone)	9
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Стасс Бабицкий

Перелётный жених. Книга третья

Пролог

Лев Мартынов:-(спорит с реальностью

19 мая, 12:00

Сан-Сальвадор, Аргентина

Закрытая запись

Шнурок на правом ботинке поддался легко, а с левым пришлось повозиться. Сначала проказливый бес попутал узел, затянул намертво, тормози, не тормози – все без толку. Лев напряг пальцы, шепча матерные заклинания, и с десятой попытки сумел развязать узелок, словив при этом ноготь на большом пальце. Неприятности на этом не кончились, пластиковый наконечник шнурка в последний момент распался надвое и острой занозой вонзился точно под сломанный ноготь.

– Чтоб тебя! – выругался Лев и тут же осекся.

Как бы местные лоботрясы не приняли это на свой счет. На площади у фонтана собралось больше тридцати человек. Они шептались и косились на незваного гостя с подозрением. Самый высокий и хмурый тип хрипло пробасил:

– Benvenido a Jujuy!¹

Значит, все-таки обиделись. Вот, уже посылают. Недвусмысленная угроза: уматывай, чужак, поскорее, пока морду не начистили.

Лев пожал плечами и, игнорируя общественность, скинул тяжелые армейские ботинки, сел на край фонтана и погрузил гудящие ноги в прохладную воду. Не снимая носков и даже не сообразив, что хорошо бы закатать джинсы. Хорошо! Отлично! Замеча-а-ательно...

Побокую приличия. Он слишком устал, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Три часа назад почтовый самолет приземлился на плато посреди горной гряды, и все эти три часа Лев шагал по осыпающейся тропинке, спотыкаясь о подлые камни, так и норовящие стукнуть по мизинчику. Пилот кричал вслед, призывая не дурить, подождать чуток, пока разгрузят мешки с письмами или хотя бы идти по серпантину, где дорога ровная и встречаются попутные машины. Возможно, к этим словам стоило прислушаться, но только если ты понимаешь испанский язык в его пулеметно-торопливой разновидности, столь популярной в Латинской Америке.

Лев ничего не понял. Помахал летчику на прощанье и начал спускаться в долину. Когда доковылял до городка, часы на башне святого Сальвадора пробили полдень. Звон был не радостный, скорее похоронный, как в старых вестернах. В каждом «биме» и каждом «боме» отчетливо слышалось предостережение, а от скучавших на площади мужчин пахло дешевым табаком, ликером фернет и неприятностями. Хромающего чужестранца заметили издали, обменялись презрительными замечаниями, посмеялись над нелепой походкой, но как только тот подошел ближе, все резко замолчали.

Наверное, онемели от возмущения, когда Лев полез в фонтан. Так ведь он не со зла. Просто пальцы распухли, а пятки перешли в режим разбитого корыта. К тому же спина затекла, шея хрустит при каждом повороте головы, а повертеть ею придется, чтобы не пропустить

¹ Добро пожаловать в Хухуй! (испанск.)

неожиданный удар. Аргентинцы приближались со всех сторон, вроде и лениво шагают, не торопятся, а уже рядом, хмурый тип в затылок дышит и продолжает грубить:

– Benvenido a Jujuy! Entendido?²

– Сам туда иди, да? – огрызнулся Лев по-русски, и сразу взвыл, поскольку волосатая лапища грубияна вцепилась в его плечо.

– Tomemos una foto!³ – лицо оставалось все таким же хмурым, но голос звучал гораздо дружелюбнее.

Фото? Ах, фото. Выходит, это не агрессоры, а поклонники. Оказывается, и здесь, в аргентинской глуши, люди наслышаны о его кругосветном путешествии. Возблагодарим Интернет, многоликий и вездесущий! Лев улыбнулся и приосанился. Конечно, джинсы немного пообтрепались внизу, но пока что выглядят вполне презентабельно, а цыганская рубаха и вовсе не знает сноса – эту одежду шили специалисты по долгим странствиям, поэтому она не мнется, не выгорает на солнце, и после нескольких стирок не потускнела. На снимках выглядит идеально, не нужно ни фильтров, ни ретуши.

Хмурый тип селфи забраковал. Тараторил, выкатывая глаза, жестикулировал, в конце концов, не выдержал, взял путешественника за руку и потащил за собой. Лев только успел схватить ботинки и зашлепал в мокрых носках по брусчатке, морщась от боли. Зеваки двинулись следом, похлопывая страдальца по плечу и распевая бодрые песенки. Поход закончился в парикмахерской, где под жаркие споры и громкие советы из толпы флегматичный цирюльник постриг косматую бороду, выскоблил щеки и шею от лишней щетины и выбрил на правом виске маленький самолетик. Перелётный жених во всей красе. Лев крутил головой уже совсем с другим настроением – приятно полюбоваться на такого себя в зеркале, даже шея перестала хрустеть.

Хмурый тип наконец-то улыбнулся, сделал идеальное селфи в обнимку со знаменитостью. И понеслось! Дорогого гостя водили по городу, от порога к порогу. Лев посетил шестнадцать именинных застолий, три бара и одну кондитерскую. Он фотографировался с юными школьницами и почтенными матронами, с влюбленными парочками и многодетными семьями, с церковным хором и футбольной командой. Ему совали в руки голопопых младенцев, миниатюрных собачек и громадных котов, но чаще – бокалы, стаканы и рюмочки. А как не выпить? Не обижать же радушных хухуевцев.

Удивительное дело, после первого же глотка спиртного, Лев стал лучше понимать собеседников. Представьте себе, они не ругались, просто сообщали, что самая северная провинция Аргентины называется Хухуй. Именно так произносят местные жители, но на русских географических картах, еще с девятнадцатого века, пишут Жужуй. Согласитесь, гораздо приличнее, хотя и не совсем правда. Мы любим переименовывать для благозвучия. С какой радостью, например, наши чиновники ухватились за вычурное слово «коррупция». Оно ухо не колет, как «вор», «взяточник» или «казнокрад». Пусть даже поймают и заклемят, но «коррупционер» звучит импозантно и породисто, почти как революционер. Чувствуете разницу? Не ворюга в Хухуе, а коррупционер в Жужуе. Приличный человек в приличном месте.

На мгновение показалось, что конная статуя у монастыря иезуитов подмигнула – причем и всадник, и лошадь, одновременно. Лев зажмурился, взглянул снова. Стало еще хуже. На бронзовом памятнике проступило лицо депутата Кнутова-Пряницкого. Сурово насупленные брови выражали крайнюю степень недовольства, а верхняя губа нервно подрагивала, словно у зверя, который вот-вот оскалится и зарычит. Пришлось ускорить шаг, чтобы сбежать от навязчивого видения в боковую улочку. Это все алкоголь. Многовато выпил. С другой стороны, боль в ногах утихла, muchos gracias.

² Понимаешь? (испанск.)

³ Давай сфотографируемся! (испанск.)

Лев уже много дней не вспоминал арестованного шефа, не переживал, как тому сидится в СИЗО, потому что понимал: хорошо сидится. Камеру выдали самую комфортную, с мягкими матрасами и без клопов. Кормят, надо полагать, не баландой и заплесневелым хлебом. Скорее там сыр с плесенью, с благородной голубой плесенью. А к сыру – свежая зелень, сочные груши, может быть, коньячок. В смысле, «может быть»? Наверняка коньячок.

Господа депутаты устраиваться умеют, потому они и господа. Так что нечего тут скалиться, рычать и бровями шевелить. Альберт Валентинович сам выбрал свою судьбу. Или это судьба выбрала его? Кнутов-Пряницкий обладал уникальным качеством для коррупционера. По каким-то неуловимым приметам он определял, за сколько человек готов продаться. Какую сумму или процент нужно отстегнуть, чтобы все остались довольны. Знаете, иногда сантехник из ЖЭКа намекает, что неплохо бы для ускорения процесса дать на лапу толику малую. В этот момент вы растерянно замираете, поскольку не ясно, сколько это в рублях. «Двести – не оскорбит мастера? Пятьсот... Многовато. Хотя если не придется ждать до завтра, то и тысячу не жалко». Пока эти мысли играют в чехарду, перепрыгивая через извилины мозга, вы стоите с разинутым ртом и зависшей в воздухе рукой и выглядите очень потешно. Так вот Альберт Валентинович всегда называл точную цифру. Особое чутье, сродни глазомеру. Смотришь на овраг и сразу соображаешь: получится перепрыгнуть или нет. А когда начинается драка, ты ведь не замеряешь рулеткой, достанет ли кулак до носа придурка. Просто бьешь со всей силы. С таким чутьем обстряпывать дела легче легкого.

Но однажды вмешивается закон или судьба, и кто-то из этой парочки намекает, что придется расплачиваться за содеянное. Вот тут даже Кнутов-Пряницкий остолбенеет с отвисшей челюстью, поскольку совершенно непонятно. Кому заплатить? Сколько отдать? И чего именно?

– Судьба вряд ли возьмет деньгами, – улыбнулась Саша. – Она отбирает то, что дороже денег.

Саша...

Она-то здесь откуда?

Лев ошарашенно уставился на говорящий портрет во всю стену. Граффитист наспех переплел дюжину изломанных линий, и возникло прекрасное лицо с глазами разного цвета.

– Все, как в жизни, – произнесли черно-синие губы. – Не в той жизни, выдуманной, иллюзорной и полной вранья, которой мы с тобой упивались прежде. А в этой пустой и болезненной реальности, где ты обречен шагать неизвестно куда, в одиночестве и тесной обуви.

– Повтори, что ты сказала, – попросил Лев.

Он не понял с первого захода, что имеет в виду нарисованная девушка. То ли хочет вернуться к жизни во лжи, то ли злорадствует, что судьба отнимает самое дорогое.

– Повтори, – заорал Лев. – Повтори, чего ты хочешь!

Портрет предсказуемо молчал, а прохожие начали оборачиваться.

Блин, ну а ты-то сам чего хочешь, Левушка?! У тебя еще остались нежные чувства к Александре, и душа страдает от разлуки? Или ты разлюбил журналистку окончательно и бесповоротно, и от этого сердце рвется на части? Или просто пятки опять заболели, а любовь – это только лицо на стене?

Реальность – самая обманчивая штука. Кажется, что реальный мир вокруг нас стабилен и незыблем, да только это фикция. Каждый человек воспринимает реальность по-своему, дополняя происходящее собственными мыслями, чувствами и заблуждениями. При этом большая часть мыслей – самообман, которым люди пытаются убедить себя в том, что поступают правильно, половина чувств – сплошной негатив, а заблуждения... Что с них взять.

Вот, скажем, сиюминутная реальность складывается в полном согласии с пророчеством заполярного шамана. Оно, как и все предсказания, туманно и витиевато, однако главная мысль неоспорима. Саша – его судьба. Она спасет от гибели трижды, а после заберет у Льва жизнь. Какой вывод сделает любой нормальный человек?

Хватит пить.

Тут не поспоришь. Однако сегодня экспресс уже проскочил эту станцию, поэтому давайте другой вывод. Итак, благодаря девушке Лев уже дважды спасся, а после третьего раза случится кирдык. Значит, нужно держаться подальше от своей разноглазой судьбы. Пусть живет в Москве со своим Славой, добра наживает и вспоминает их романтические приключения в Париже, Нью-Йорке и Бразилии как сказку. Приятную? Ну... Могло ведь сложиться и хуже, правда?

Лев кивнул собственным мыслям и прислонился спиной к фонтану. Да, он снова пришел на площадь, где с наступлением сумерек собралась стихийная дискотека. Две машины поставили углом, настроили магнитолы на молодежную радиостанцию и распахнули двери. Децибелов вполне хватало, чтобы пробиться к центру удовольствия сквозь баррикады тормозных нейромедиаторов на периферии головного мозга. Роскошные девушки постоянно вытаскивали Перелётного жениха танцевать, обнимали, целовали, кружили. Он неизменно ускользал от красавиц и возвращался к фонтану, пытаясь собрать разлетающиеся осколки сознания, чтобы решить: а дальше-то что?

В этот момент кто-то поменял радиоволну, и вкрадчивый голос Боба Дилана затянул:

– Ну и каково тебе сейчас?

Каково это, сидеть в одиночестве?

Не понимая даже, в какой стороне твой дом?

Лев смахнул набежавшие слезы. Ведь что самое обидное: надежда умерла первой. Он надеялся, что сознается Александре в грехах, она поймет и простит, а потом все станет зашибись. Долго терзался сомнениями, набирался мужества, слова правильные подбирал. Признался. Искупил. А с чем остался в итоге? Саша взяла паузу, чтобы подумать и разобраться в себе, тут надежда и сдулась. Потом случился кризис веры, когда девушка чуть не умерла, а напоследок неосторожное слово прихлопнуло его любовь. На родине Льва все еще ждет тюрьма, а на чужбине никто не ждет. Кроме этой одежды, разбитых пяток и перспективы провести ближайшую ночь в обнимку с конной статуей, у него ничего нет.

Что ты на это скажешь, Боб Дилан?

– Когда у тебя ничего нет, тебе нечего терять, – пропел в ответ мудрейший из всех музыкантов.

Опять же, и тут не поспоришь.

Но завязывать с алкоголем надо однозначно. Сквозь хмельной туман Лев увидел казака в красной черкеске и белой папахе. Такого и в Москве не каждый день встретишь, а уж в Аргентине, за тысячи километров от ближайшей станицы – явный глюк. Понять бы еще, что именно хочет сказать подсознание, подкидывая такие картинки. Разберемся... Так. Красный казак – это Тихий Дон. Дон – это мафия. Но мафия – это всегда стрельба и взрывы, а раз дон тихий, значит, все указывает на карточную игру. Карточная игра в подкидного – это дурак. Выходит, подсознание сигнализирует, что я – дурак?

Пока Лев раздумывал, глюк протолкался через толпу и сказал по-русски:

– Пойдем со мной, если хочешь жить.

Лев кивнул и провалился в забытие, а песня все звучала в ушах, как заезженная пластинка, повторяя одно и то же:

– Двигай сквозь неизвестность,
как катящийся камень,
как катящийся камень,
как катящийся камень...

Часть первая. Like (a rolling stone)

Якову Якунину и еще 2 793 859 пользователям понравилась недавняя публикация, в которой отмечен Лев Мартынов.

Лев проснулся от сильного удара по заднице и в панике огляделся по сторонам. А, нет, все в порядке. Машина подпрыгнула на колдобине, пассажира подбросило в кресле, а потом уже, при приземлении, сама планета отвесила ему пендель.

Бывает.

Стоп! Машина? Ну да, фургон. Кажется, «Форд», но в принципе это не важно. Каким чудом он оказался внутри? И кто водитель? Лев покосился налево. Ясно. Машину ведет его давешняя галлюцинация. Тот самый казак в красной черкеске. Только уже без папахи.

– Очухался? Славно.

Глюк на мгновение повернулся и Лев разглядел курносое лицо, усыпанное веснушками, черные глаза и жиденькие усы. Молодой парнишка, с виду честный, но пройдохи обычно и не выглядят пройдохами. Тут не угадаешь с первого взгляда.

– Скучно ехать в тишине, – продолжал казак, выкручивая руль на повороте. – Я-то не особо надеялся, что ты составишь компанию, просто познакомиться хотел, автограф взять для сеструхи. Она все уши прожужжала: пусть крюк в полсотни километров, а все равно заедь. Не каждый день наши края посещает знаменитость. А ты вцепился в рукав: «Забери меня отсюда, есаул!» Я, хоть и не есаул, но обрадовался. Вместе не скучно ехать.

Лев подозрительно хмыкнул. Разве так все было? Надо бы спросить у памяти, но та повесила на ручку двери шляпу, полосатый шарф и табличку «Не беспокоить», да еще и заперлась изнутри на засов для надежности.

– Ты как здесь оказался? – спросил Лев подозрительно.

– Не надоело спрашивать одно и то же? – юноша говорил по-русски, но довольно быстро и с ударениями почти на каждую гласную, как это принято в испаноязычных странах. С непривычки это вызывало у собеседника головокружение. Зато не было ожидаемого говорка, как в фильме «Кубанские казаки». – Я тебе уже раза три объяснял: приехал в Анды за шерстью. Обычно альпак в зиму наголо не бреют, но тут зараза какая-то косит стада, многие животные до весны не доживут, поэтому больных стригут и отдают тюки задешево. А шерсть в хозяйстве пригодится, даже если зима будет теплая.

– Зима? Погоди, сейчас же май месяц.

– Ну да, – хмыкнул казак. – Зима как раз в июне и начинается. Здесь же все перевернуто, потому времена года не такие, как в России. Мы сейчас вниз головой едем, если из Москвы смотреть.

Лев представил эту картину и его тут же замутило. Повезло, что окно быстро открывается. Минут семь спустя, усмирив желудок и продышавшись, он откинулся на спинку кресла.

– Откуда взялись в Аргентине русские казаки?

– Прадеды наши после революции уехали. Тогда многие отчалили – кто в Европу, кто в Азию. Только там земля скудная, не развернешься. Вот и мыкались, пока не добрались на край света. А тут чистый рай, – он обвел рукой окрестности, невидимые в темноте. – Но ведь я и это тебе уже рассказывал. Не помнишь? Ох, голова дырявая. Давай тогда знакомиться заново. Меня зовут Яша, или, по-здешнему, Яго.

– Как предателя? – уточнил Лев.

– А?

– Яго из «Отелло». Шекспира читал?

– Не, я вообще читаю редко, – пожал плечами Яша. – Некогда читать, на ферме всегда работы полно. Может твой Шекспир это имя и не жаловал, но здесь Яго – один из самых почитаемых святых. Минут сорок назад мы проезжали Сантьяго-дель-Эстеро. Самый древний город Аргентины, между прочим, а есть и другие с похожими названиями. Так что меня везде принимают с улыбкой и это хорошо для бизнеса.

В свете фар мелькнули три силуэта на обочине. Лев успел разглядеть серые хвосты и съезился, подчиняясь первобытному инстинкту.

– Волки!

– Не, это магеллановы собаки, – успокоил казак. – Они тут на грызунов охотятся.

– На мышей?

– Не, на шиншиллу или вискашу.

– Уф-ф-ф, – Лев снова высунулся в открытое окно. – Не надо про вискашу... Меня и так мутит от выпивки.

– Это ничего. У нас на ферме сухой закон, там и подлечишься.

Ночной ветерок окончательно протрезвил, вспомнились подробности загула и стало как-то неловко.

– То есть ты не говорил: «Пойдем со мной, если хочешь жить»? – уточнил Лев, краснея.

– Не, а с чего мне так говорить? Ты вроде не помирал там.

– Не помирал, но это же из «Терминатора».

– Откуда? – переспросил Яша.

– Фильм со Шварценеггером. Не смотрел?

– Не, я вообще кино смотрю редко.

– Да, помню, на ферме работы много, – Лев задумчиво потер переносицу и вздохнул. – Выходит, подсознание не зря намекало, что считает меня дураком.

– А разве это плохо – дураком быть? – спросил казак, не отводя глаз от дороги.

– По-твоему, хорошо?

– Я в детстве, когда сказки бабушкины слушал, хотел быть таким, как Иван-дурак. От этого ведь сплошные плюсы, – Яша удерживал руль одной рукой, а на другой загибал пальцы. – Сам посуди. Дурак ничего не боится. Вообще ничего. Даже смерти. Потому в котел с кипящим молоком прыгнет за милую душу. А тот, кто не боится рисковать, всегда получает больше, чем тот, кто боится. Правда же?

Лев кивнул, но Яша этого не заметил.

– Иван-дурак верит в невозможное, оттого ему любая задача по плечу. На небо по радуге влезть? Жар-птицу достать или там, яблочки молодильные? Как не фиг петь! Пока умные подбирают аргументы, чтоб объяснить всем, почему это невозможно, Иван делает. Ученые люди впадают в ступор на перекрестке, где камень с загадками: «Налево пойдешь – коня потеряешь», а Иван идет, куда ноги несут и не страдает от чувства вины или комплексов. Даже когда попадает в неловкое положение. Чего страдать-то? Ну, обмишурился. Ну, выставил себя в глупом виде. Так для него это привычно. И самое главное – дураков любит удача. Не знаю, кто так придумал, но им же постоянно счастье приваливает. Из ниоткуда. Нежданное богатство или красавица-жена с полцарством в придачу.

Лев снова согласился. Он наблюдал подобное и не раз. Открывает человек абсолютно идиотский бизнес по производству какой-нибудь никому не нужной хрени, не задумываясь о спросе, сбыте, рекламе и так далее. Просто воплощает свою дурацкую идею. И вдруг оказывается, что именно этой хрени всем не хватало для полного счастья. В итоге Иван-дурак в шоколаде, а все вокруг изумляются. Каждому известны такие примеры, поскольку философская доктрина Ивана-дурака срабатывает во всем – в семейной жизни, в подготовке дипломных работ, в озеленении Антарктиды или в безумном кругосветном путешествии.

– Дуракам – счастье, – протянул Лев, – а все горе от ума.

– Не только, – возразил казак. – Еще бывает от жадности или от зависти. Но если бы предложили лично мне, я бы, пожалуй, сменял ум на счастье. Вот сказали бы: будешь ты, Яша, дураком, зато во всех делах повезет – согласился бы без колебаний, – он притормозил и свернул с дороги. – О, как вовремя заправка попалась. Залью полный бак, а то до фермы еще ехать и ехать. Тебе кофе взять?

Лев Мартынов УУУ пьет простоквашу

20 мая, 14:26

Ферма Якуинка, где-то в аргентинских пампасах

Доступно: друзья поблизости

Ботинки он забыл на площади у фонтана. Обнаружилось это уже по приезде на ферму, когда Лев спрыгнул на красновато-черную землю с островками пожухлой травы. Да, в южном полушарии сейчас осень. Привыкай к этому.

– Босиком у нас лучше не бегать. Встречаются ползучие растения, которые могут шип в пятку вогнать или обожгут до волдырей. Не беда, завтра стачаем тебе настоящие казацкие сапоги, – утешил Яша, – а пока и лапти сгодятся. Вот, держи.

Он протянул плетеные тапки с узорчатым бортиком, где ленточки желтоватой коры дерева квебрахо перекрещивались с зеленовато-серыми полосками, срезанными с толстого ствола гуаякана. Острые носы украшала синяя тесьма, продернутая между лапотных чешуек и завязанная тройным бантиком на манер цветка.

– Волшебное! – Лев примерил обувь и обрадовался. – Мой размер.

– Сеструха плела. Она помрет от счастья, что ты здесь. Дуняша! – гаркнул казак вглубь дома. – Смотри, кого я привез!

На двор выпорхнула девчужка лет двенадцати. Розовое платье, золотистая коса, румяные щеки – кукла, которая заткнет за пояс любую версию Барби. Причем, судя по озорному блеску в глазах, силком заткнет, да еще и нагайкой отхлещет. Юная казачка оглушительно завизжала и бросилась на шею Перелётному жениху. Потом всплеснула руками совсем как взрослая хозяйка.

– Ой, да вы же проголодались с дороги!

В огромной миске легко утонули бы все галеоны конкистадоров, груженные золотом. Лев погрузил деревянную ложку в квасную пучину и выловил редиску с фиолетовой мякотью. Вместе с ней попался ломтик картошки густо-оранжевого цвета. Вот что значит обратная сторона земли, здесь все выглядит иначе. Зато вкус русской окрошки переселенцам удалось сохранить – та самая, резкая, пряная и чуть сладковатая, знакомая с детских лет.

– Пейте, не стесняйтесь, – Дуня пододвинула дорожному гостю крынку с простоквашей. – У нас все натуральное.

Лев отхлебнул – ух, кислятина, но до того освежающая, что он не отрывался, пока не ополовинил крынку.

– У нас больше сотни лет все натуральное, – поддакнул Яша. – Земля в пампасах не хуже чернозема, палку ткни – зазеленеет. Прадед, как приехал, первым делом распахал грядки, посадил семена, привезенные с Кубани. Поначалу для семьи выращивал, потом начал торговать овощами-фруктами. Дело шло не важно, но дед стал использовать секретную добавку и песо полились рекой.

– Добавку? – Лев допил простоквашу и утер губы рукавом рубахи. – Какую добавку?

– Смешная история, – казак отрезал ломоть хлеба и намазал густой сметаной. – В семидесятые годы в Аргентине боролись с огненными муравьями, заливали тысячи гектаров земли пестицидами. Насекомых истребили, но и люди часто травились, многие даже умирали. Спрос на овощи упал донельзя. Тогда дед стал в каждый ящик добавлять кусок коровьего навоза,

будто он случайно прилепился к помидорам или морковке, да там и остался. Ему говорили: «С ума сошел? Последних покупателей отпугнешь». Но дед упрямый был, как все казаки, не слушал никого, и сорвал куш. Люди на рынке поверили, что дерьмо – это хороший знак. Значит, никакой химии, только натуральные удобрения. Надежно и безопасно. Полвека этот секрет работает, цены регулярно повышаем, а спрос не иссякает. Сейчас новый виток, столичные богачи помешаны на экологии и здоровом питании, чем больше навоза навалим, тем лучше покупают, – Яша встал из-за стола, потянулся и зевнул. – Все, часок подремать в гамаках, и за работу. Надо тюки с взопревшей шерстью распотрошить, чтоб просохла хорошенько и не сгнила, потом забор подправить, проволоку кое-где подтянуть и еще по мелочи...

По мелочи-то оно по мелочи, а провозились до позднего вечера. Яша надвигающейся темноты не испугался, оседлал коня и поехал на дальний выпас, загонять стадо коров на ночевку. Лев тоже порывался, хотя и устал, как стая магеллановых собак, но Дуня усадила его в плетеное кресло-качалку на веранде и засыпала вопросами. Пришлось в очередной раз пересказывать шаблонную байку о Перелётном женихе. Девочка слушала, затаив дыхание и ахала через слово.

– Счастливые, – попытожила она. – Даже представить не можешь, как сильно я завидую твоей невесте. Не только я, миллионы женщин завидуют.

– Зря, – вздохнул Лев и добавил к выдуманной истории чуточку горькой правды. – Кстати, я не уверен, что у меня все еще есть невеста.

– Вы поссорились? – вскрикнула Дуня, хватаясь за сердце.

– Не то, чтобы поссорились, но после недавней встречи расстались с холодком. Она сказала то, что мне не понравилось, я вспылил и ушел. Кто кого обидел непонятно, а на душе тоска.

– Не грусти, это завсегда так, – подбодрила казачка.

– Как?

– Больно. Когда все по-честному между людьми, обязательно будет больно. Но это лучше, чем жить в сладости, постоянно обманывая друг друга, уступая и подстраиваясь.

– Что-то я запутался, – проворчал Лев. – Ты считаешь, что в честных отношениях нельзя уступать друг другу? Разве компромисс – это плохо?

– Может и не плохо, как посмотреть. Но казаки не уступают. Вот отец, когда молодой был, привел жену в дом. Говорит: «Навари щей». Мать наварила. Он попробовал, говорит: «Не то, я люблю щи на курином бульоне». Она говорит: «А я только на говяжьей лопатке готовлю». Отец уперся, тарелку отодвинул. Жена-казачка, ему под стать, закипает помаленьку. Ясно, что не подвинется. Еще чуть-чуть и скандал начнется, а чем все закончится заранее известно: «Не нравится моя стряпня? Другую ищи, чтоб по-твоему делала!» Отец ладонью по столу – хлоп! Встал, усы подкрутил, поцеловал мать и говорит: «Ничего, без щей проживем». Никто так и не уступил, но с тех пор в нашей семье щи не готовят, чтобы повода для раздора не возникало. Любовь важнее.

Лев усмехнулся. Не хватало еще, чтобы эта невеличка читала ему лекции по основам идеальных отношений.

– А не рановато тебе о любви рассуждать? – спросил он, старательно скрывая нотки пренебрежения, чтобы не обидеть Дунышу. – Ты хоть знаешь, что это такое?

– Да уж знаю, и побольше твоего, – надулась казачка.

– Откуда?

– Из Интернета.

Лев захохотал, распуская компанию пернатых, шуршащих на крыше веранды.

– О, да. Интернет – это океан любви, – и на случай, если девочка еще не успела познакомиться с сарказмом, пояснил. – На самом деле, там как раз наоборот, сплошная ненависть, брюзжание и насмешки. Стоит погрузиться в эту пучину, и уже не вынырнешь. Хейтеры утянут на самое дно.

– У каждого свой Интернет, – заупрямилась Дуня. – Вот я, например, читаю только про хорошее. Нетрудно распознать по фотографии, по первой фразе, по хэштегам – где чудесные люди делятся счастьем с миром, а где плюются злобой и ненавистью.

– Ты такая наивная, – умилился Лев, теперь уже искренне, без всякого сарказма. – Думаешь, упыри из Интернета не научились маскироваться? Да они завалят тебя благостными картинками, а потом подсунут какую-нибудь гадость или жесть. Или хитрые манипуляторы подсунут цитату из Ганди на фоне восходящего солнца, чтобы забрать твои лайки и продать их рекламодателям. Это свалка и ходить по кучам мусора нужно осторожно, лучше всего в болотных сапогах, скафандре и сварочной маске.

– Скажешь тоже! Я же не глупая, смогу отличить мусор от цветочной клумбы. Увижу гадость – закрою и уйду. Но в Интернете хорошего гораздо больше, чем плохого. Взять хотя бы твое путешествие, – глаза девочки засверкали в сгустившихся сумерках. – Тебе миллионы людей со всего света присылают смайлики, пишут приятные слова, и никакого негатива. Потому что нормальным людям негатив в реальности надоел до чертиков, а в Интернет они идут за радостью или за пользой. С приятными людьми пообщаться или доставку свежей зелени заказать. Эй, хватит смеяться надо мной!

– Просто ты парила высоко в облаках, а потом резко спикировала на грядку, – хихикнул Лев. – Любовь – морковь, нежные чувства – хрен да капуста.

– Хорошая рифма, запишу. Надо на испанском рифмы подобрать, у нас же не только эмигранты овощи покупают, – Дуня достала из кармана смартфон и похвасталась. – Видел мою страницу в соцсетях? Лайкни потом пару селфи с урожаем, не забудь. Я придумала гениальную идею: беру то, что выросло, прямо с грядки, и облизываю. Доказываю всем, что опасные удобрения на ферме не используются. Смотри, вот огурцы поспели, вот баклажаны, тут я нашла необычный красный перец – нереально длинный и с закругленным кончиком. А здесь у меня в каждой руке по банану и я пытаюсь лизнуть их одновременно. Зацени, сколько лайков! Тысячи людей озабочены здоровой пищей и экологией.

– Да-да, в мире много озабоченных, – не удержался Лев.

– Кстати, запишем завтра с утра видео с твоим участием? Не против?

– Любой каприз. Но потом пустишь меня в Интернет на полчаса. Проверю, нет ли на моей страничке новых сообщений.

– Хоть сейчас, – девочка так резко протянула телефон, что едва не угодила собеседнику в висок.

– Не-не-не. Сейчас глаза слипаются, чую, полночь близится.

– Угадал. Без трех минут, – она встала, отгаливая кресло-качалку. – Пойдем, покажу спальню. Одеяло теплое дать? Пригодится, ночи уже прохладные. Станет душно – кондиционер включи. Окна не открывай, а то закусает.

– Комары?

– Если бы...

На перила веранды тяжело опустился мохнатый комочек с кожистыми крыльями. Свернул остроносую мордочку набок. Черные глазки, не мигая, уставились на потенциальную жертву. Кадык на гладковыбритом горле Льва дернулся, предчувствуя недоброе.

– Эт-то что за тварь?

– Обычный вампир. Они, в основном, у скотины кровь сосут, но могут и человека укусить. А ты даже не заметишь, потому что у них в слюне что-то вроде наркоза, – Дуняша махнула платком, прогоняя нечисть. – Спящие люди не чувствуют, что клыки кожу проткнули, а летучая мышь присосется минут на сорок, пока не насытится. Представляешь, у них под языком особая железа, которая вырабатывает «дракулин», этот белок мешает крови сворачиваться, а потому появляется шанс высосать все, до последней капли.

– Seriously? – ужаснулся Лев.

– Куда уж серьезнее. Но в желудок одного вампира столько крови не поместится, разве что целая стая набросится.

– Стая? – простое слово, коротенькое, а насколько страшнее стало.

– Думаешь, кто на крыше возится? – девочка потыкала пальцем вверх. – Кровопийцы ждут, пока мы заснем, чтобы всех закошмарить. Хотя ученые недавно выяснили, что укусы вампировых летучих мышей даже полезны. Тот самый фермент из их пасти помогает растворять тромбы в сосудах головного мозга. Кусь – и никаких инсультов.

– Прекрати! – взмолился Лев. – Откуда ты все эти факты выуживаешь?

– Так из Интернета же.

Она проводила гостя по темному коридору в уютную маленькую спальню, сноровисто застелила кровать, взбила подушки и, уже уходя, обернулась на пороге:

– Приятных снов! Если что – кричи.

Лев Мартынов:-) разбивает яйца

21 мая, 7:14

Ферма Якуинка, где-то в аргентинских пампасах

Доступно: друзья поблизости

На рассвете кто-то стукнул в закрытое окно.

– Чего надо? – недружелюбно буркнул Лев, продирая глаза.

Стук повторился. Короткий, четкий, будто молоточек с одного удара загоняет тонкий гвоздь в раму по самую шляпку. Почти сразу, вдогонку, по стеклу мягко хлестнули веером из огромных перьев. Хлипкий накидной крючок не выдержал, выскочил из колечка и повис, позвякивая. Оконные створки, скрипнув на несмазанных петлях, распахнулись, и в комнату просунулась сплюснутая голова на тонкой волосатой шее. Мутный глаз, выпученный донельзя, сфокусировался на человеке, испуганно вжавшемся в перину. Ой, можно подумать, вы бы не испугались. Мало того, что всю ночь снились вампиры и оборотни в погонах Следственного комитета, так еще и поутру – такая неприглядная явь.

– Уходи! – тихо сказал Лев, надеясь, что это прозвучит уверенно и с очевидной угрозой.

В ответ раздалось хриплое шипение, словно простуженная змея подавилась поролоновым шариком. Длинная шея склонилась еще ниже, черный клюв ущипнул Перелётного жениха за самый кончик носа.

– Ах ты, свинья пернатая! Кыш отсюда! Кыш!

Страус обиженно крякнул, но с места не сдвинулся.

– Ах так? Тогда я уйду.

Лев нашел ванную и умылся. Урчащий желудок, подобно навигатору, безошибочно привел его на кухню, где хлопотала Дуняша.

– Проснулся? Славно. Я как раз завтрак готовлю. Поможешь снять видосик со страусовыми яйцами?

– Их ты тоже собираешься облизывать? – уточнил Лев, потирая кончик носа.

– Нет, это слишком просто, для такого и фото бы сгодилось. А мы устроим настоящее представление. Держи телефон, камеру пока включай.

Она сняла фартук, явив взорам потенциальных зрителей платье василькового цвета, сдернула косынку и приладила непослушные волосы. Достала из сундука пашку в потертых черных ножнах.

– Это наша семейная реликвия. Ей больше ста лет, а сверкает, как новенькая!

Клинок выскользнул из ножен с залихватским свистом. Дуняша раскрутила его левой рукой, выписывая «восьмерки», потом очертила сверкающий круг над головой, со свистом

рассекая воздух, перехватила эфес правой рукой и, развернувшись вполоборота, утихомирила, прижав шашку к бедру.

– Снял? Нормально? Покажи.

– Очумительно, – Лев протянул телефон. – Ты как ниндзя. Вжух! Вжух!

– Ниндзя лица прятала от стыда, что не умеют сечься, как казаки, – усмехнулась девочка. – Давай еще дубль.

В итоге записали не меньше дюжины видеороликов, пока не добились совершенства.

– А для чего эти выкрутасы? – спросил Лев.

– Увидишь.

Казачка поставила на стол большую фарфоровую миску, расписанную синей краской под гжель. Внутри, по белым стенкам, как по снежным склонам, скользили дети на санках, они спешили поскорее оказаться на доньшке, где ждет груда новогодних подарков. На первый взгляд, сплошные радости и веселье. Одна загвоздка: нарисованные мальчики и девочки застыли в вечном движении, шансы добраться до дна – равны нулю, оттого и лица у малышей уже заранее грустные.

– Теперь самое главное.

Она взяла с подоконника плетеную корзину, напоминающую гнездо, там, в ворохе соломы, лежали пять гигантских яиц. Формой и размерами они напоминали мячи для регби.

– Скорлупа толстенная, а внутри еще пленка, ножом ковырять запаришься. А шашкой – чик, и готово.

– Шутишь? – Лев опустил телефон и удивленно посмотрел на девочку.

– Снимай, не отвлекайся!

Дуняша покачала на ладони одно яйцо, затем другое, но оба отложила обратно в корзину, а третье вполне устроило. Девочка обхватила его длинными пальцами левой руки, как заправский квотербек, подбросила, придавая небольшое вращение. Яйцо ввинчивалось в воздух и, казалось, сможет пробить потолок, подняться высоко в небо и заменить собой Луну, но так казалось лишь пару секунд. Потом тяжелая сфера обрушилась вниз – ядерная бомба или, скорее, метеорит, падающий на мирный город. Синенькие дети побросали санки и молитвенно сложили нарисованные ручки, предчувствуя скорейший армагеддец. Их керамический мир вот-вот разлетится вдребезги, проломится стол, а потом и пол из незнакомой, но с виду крепкой древесины. Финальный взрыв в погребе расколошматит банки с соленьями на зиму, и можно запускать титры под траурную музыку.

Спасение пришло, как всегда, в последнюю секунду. Казачка выждала, пока тяжелое яйцо приблизится к миске на критическое расстояние, и ударила снизу вверх, без замаха, острием клинка рассекая толстую скорлупу по диагонали. Желток, размером с кулак, в облаке мутноватого белка, плюхнулся в миску, смывая все неразрешимые психологические проблемы нарисованной детворы. Скорлупа, сбита с толку вероломным нападением, отлетела в дальний угол кухни и приземлилась в мусорном ведре.

– Снял? – девочка горделиво подбоченилась.

– Снял, – кивнул Лев. – Очень круто получилось.

– Верю, но давай сразу запишем еще дубль.

На столе появилась вторая миска, черная, прозрачная и без картинок. Дуняша повторила трюк с удивительной точностью, разве что скорлупа улетела чуть дальше и прилипла к стене, но этого никто в Интернете не увидит. Все, что попало в кадр, проделано безупречно.

– То, что надо, – Дуня просмотрела видео, взяла тряпку и пошла оттирать скорлупу со стены. – После завтрака смонтирую и загрузим.

Лев прокрутил ролик в замедленном режиме, присматриваясь к ее расчетливо-плавным движениям, а потом произнес одну из тех фраз, с которых обычно начинаются все проблемы.

– Ну, это и я так смогу.

– Уверен? – хихикнула казачка. – Готов рискнуть?

– Конечно! Всего-то нужно ударить вовремя и в нужную точку. Давай, ты же хотела записать со мной видео на вашей ферме.

Лев даже на мгновение не усомнился в своих возможностях. Раз у девчонки получилось, значит, это не сложно. Самонадеянность – она ведь не только тверже алмаза, она даже полимеризованный фуллерит⁴ превосходит.

Поначалу все шло гладко – яйцо он подбросил. Правда, оно тут же отклонилось от вертикальной оси и устремилось куда-то вбок, но Лев сделал шаг в сторону, чтобы перехватить, и ударил сбоку, как бейсболист, разбивающий лобовое стекло машины любовника своей жены. Причем то ли ударил слабо, то ли клинок повернул неудачно, но получилось сикось-накось. Яйцо не расколосось сразу, а покатилося вверх по сабельке, на его соломенно-желтом боку проступила борозда и скорлупа треснула, но внутренняя пленка еще держалась. За секунду, вряд ли дольше, распадающийся шар добрался до эфеса, ударился о большой палец, вытянутый вдоль клинка, подпрыгнул, и уже на уровне лица, наконец-то, лопнул. Крупные осколки скорлупы прилипли к бороде, а вязкая жижа заляпала красную рубаху, потекла по джинсам – и в самые лапти.

– Снято, – Дуняша кусала губы, чтобы не расхохотаться. – Еще дубль?

Лев Мартынов:-) обувает коня

21 мая, 15:02

Ферма Якуинка, где-то в аргентинских пампасах

Доступно: друзья поблизости

Постиранная одежда сушилась на веревке во дворе. Льву выдали во временное пользование желтую ситцевую косоворотку и лиловые шаровары. Правильно, не выйдешь же в одних трусах знакомиться с хозяевами фермы. Родители Яши и Дуняши вернулись из Буэнос-Айреса, где решали какие-то скучные вопросы с руководителями крупной сети супермаркетов. Более разных по темпераменту людей представить невозможно, а гляди-ка ты, сколько лет вместе. Математик увидел бы здесь два числа противоположных по знаку, но равных по модулю. Лев же только присвистнул, за что и получил мокрым полотенцем по шее.

– Не свисти в доме, денег не будет! – отрезала Наталья Гавриловна, статная женщина, постриженная под Мирей Матье.

Она придирчиво осмотрела кухню и с одержимостью енота перемыла посуду заново, поминутно отпуская ехидные замечания о грядущих проблемах дочери в семейной жизни. Потом энергично шуганула всех из дома, чтобы не мешались под ногами, и затеяла грандиозную уборку.

На веранде в кресле-качалке медитировал Степан Пантелеевич, высокий, плечистый казак, не старик, но седина уже вцепилась в его окладистую черную бороду с двух сторон, оставляя симметричные отметины. Спокойный и медлительный, как трехпалый ленивец, отец семейства курил самокрутку. Лев принюхался, но нет, обыкновенный табак.

– Это тебе сапоги треба, хлопчик? – спросил патриарх. – Тады скидай лапти.

Неторопливо снял с пояса тонкую бечеву, завязал узелок на конце. Жестом подозвал Льва и, ухватив его за босую пятку, резко вывернул ногу назад. Зажал между коленями, как кузнец, решивший подковать коня. Измерил длину стопы, ширину в трех местах, окружность голени, каждый раз затягивая на бечевке новые узелки, все разные, хотя смотреть через плечо неудобно, но Лев разглядел двойные и тройные, а также узлы с дополнительной петлей. Покончив с одной ногой, Степан Пантелеевич откусил бечевку в нужном месте и снова завязал узе-

⁴ Самый твердый из кристаллов, выращенных в лабораторных условиях.

лок. Снял мерки с другой ноги. Нехотя встал с кресла, разложил две веревочки на перилах, сравнил и покачал головой.

– Вишь ты, яка заморочка...

Узелки на двух мерках не совпали. Одним раскроем не обойдешься, придется каждый сапог подгонять по отдельности.

– Итимать, – вздохнул казак и пошел в сарай, подбирать кожу.

Короче, привыкай к лаптям, Левушка. Неделю-другую придется топтать обратную сторону Земли в плетенках, а то и месяц. Очевидно, ленивец раньше не сподобится...

Выполняя собственный завет, Лев больше часа слонялся по лугу. Сначала без всякой цели, но потом в голове появилась навязчивая мысль: надо найти подкову. Лошадей на ферме много, сейчас, накануне зимы, они вольготно пасутся или ржут в конюшне, но в сезон-то регулярно тащат плуг или борону, на них ездят нанятые батраки или перевозят мешки. От тяжелой работы нет-нет, да и отбросишь подковы. А тому, кто их потом найдет – удача. Верная примета для любой части света.

Лев перешагал три луга, но счастливый талисман не нашел. Ладно, раз так, можно чуть схитрить и забрать еще ненадеванную подкову, в конюшне наверняка запас имеется. Он заглянул в длинный полутемный сарай и тихонько окликнул:

– Эй, есть тут кто?

Лошади отозвались разномастным ржанием, а из ближнего денника выглянул Яша.

– А вот и помощник! Бери лопату и вон ту тачку...

– Мне бы подкову, – перебил Лев, вздрагивая при мысли о том, что именно придется выгребать из стойла.

– Хорошо, что напомнил, – кивнул казак. – Надо Серого переобуть.

Он похлопал по холке мышастого великана, набросил уздечку, повозился с застежками нащечных ремней и вывел коня во двор.

– Видишь, чуть прихрамывает? Разболталась подкова на задней ноге.

– Это разве подковы? – опешил Лев, разглядывая пластиковые нащепки на копытах. – Это какие-то сандалии...

– Скорее, кроссовки, – усмехнулся Яша. – Они отлично пружинят и не дают ноге подворачиваться. Ты поводи пока Серого по траве, а я схожу за сменкой.

Поводи...

Легко сказать. Лев тянул поводья, налегая всем телом, но гигант своевольно развернулся и потрусил в противоположную сторону. Тут хоть упрись, не удержишь, лапти скользят по траве. Пришлось бежать следом, покрикивая: «Тпру! Тпру! Алё! Да стой же ты, падла!» Серый делал вид, что не слышит, хотя уши дергались, наверное, от еле сдерживаемого смеха. На втором круге начинающий мустангер споткнулся и упал. Конь покосился на недотепу, но притворился, что не заметил конфуза и поскакал дальше. Да и хрен с ним! Пальцы разжались, выпуская уздечку. Жеребец тут же встал, как вкопанный, скаля крупные зубы.

– Смеешься надо мной? – насупился Лев, отряхивая шаровары.

– Есть немного, – хмыкнул подошедший казак. – Любит Серый пошалить, но так-то он не злой.

Мышастый великан фыркнул в лицо Перелётному жениху, а потом прицельно наступил на ногу.

– Ауч! Это по-доброму?

– Ну да. Злой вломил бы копытом промеж глаз или прокусил бы плечо, – растолковал Яша, заводя присмирившего хулигана в просвет между двух деревянных брусьев.

Казак поднял правую заднюю ногу Серого, затянул ремennую петлю, чтобы конь не дернулся в неподходящий момент, и скомандовал, как хирург в операционной:

– Напильник!

Старая подкова скovyрнулаcь довольно легко. Новая напоминала ромашку или осьминога с шестью оттопыренными щупальцами. Яша пристроил копыто в центр, обжал со всех сторон, загнул лепестки, обернул сверху железной проволокой и закрутил ее накрепко.

– Не туго? – спросил он, поглаживая Серого по храпу. – Потерпи. Завтра сниму удавку, а пока пусть клей схватится.

– То есть эта ерунда еще и на клей посажена? – уточнил Лев.

– Там на лепестках сложный полимерный состав, который врастает в структуру копыта...

– Как наращенные ногти?

– Ногти? – удивленно переспросил казак.

– Ага. Длинные такие. Маникюр у девушек видел?

– Маникюр... Не знаю, – Яша замылся и покраснел. – Мне проще думать, что это клей.

Он освободил коня и повел в стойло. Серый шел покорно и уже не прихрамывал.

– А что, железные подковы вышли из моды? – Лев не собирался вот так запросто отказываться от талисмана. – Или прибивать их гвоздями слишком жестоко по отношению к лошадям?

– Не. Копыто жесткое, гвоздь войдет, как в доску и конь боли не почувствует. Просто в наши дни все труднее найти опытного кузнеца, а неопытный может так начудить, что хромота на всю жизнь останется, – Яша трижды постучал по дереву и сплюнул через левое плечо. – В любом деле должен быть прогресс. Телефоны становятся все более навороченными с каждым годом, а коней как ковали тысячи лет гвоздями, так и куют. Одному канадцу надоело смотреть на это, и он придумал эту пластиковую чудо-обувь. Удобно, сам видел – раз и готово. К тому же это еще и отличный индикатор. Если лошадь гонять с утра до вечера, нагружать сверх всякой меры, то пластик за неделю раскрошится. Это заставит любого фермера задуматься о том, что кони, в принципе, тоже люди, им нужен отдых и нормальные условия труда... Ладно, передохнули – и за работу. Тачку не забудь!

Часа полтора они чистили стойла, а потом Лев взмолился:

– Я больше не могу! У меня волдыри!

Он расковырял подкожный пузырек на ладони и дул в разверзшуюся ранку, демонстрируя бездонную глубину своего горя.

– Тут осталось-то всего ничего, – пожал плечами Яша. – Ладно, посиди в углу, я скоро закончу. Может, тебя песня подбодрит? – спросил он и, не дожидаясь ответа, затянул:

– Распрягайте, хлопцы, коней,
Та лягайте спочивать.
А я пойду в сад зеленый,
В сад криниченьку копать.
Маруся, раз...

– Сколько раз слышал эту песню, а смысл всегда ускользает, – признался Лев. – Криниченька – это ягода такая? Или что-то типа репы, раз ее выкапывать нужно?

– Почему ты решил, что это обязательно съедобное?

– Там же в припеве чернявая дивчина рвет ягоды. Вот я и подумал, что главный герой тоже себе ужин обеспечивает.

– Не. Даже близко не угадал, – усмехнулся Яша. – Криница – это колодец.

– Да ладно, – Лев опешил и даже ненадолго перестал изображать страдания. – А на фига колодец ночью копать? Почему днем нельзя? В темноте же сложнее, не видно ничего.

Казак задумался, прокручивая в голове последующие куплеты песни.

– Так он же сюрприз готовил для любимой девушки. Она утром придет в сад, а там колодец. Обрадуется. Будет чаще туда захаживать, а не к общему колодцу, где сотни чужих глаз.

Опять же, родители не накажут за то, что с казаком видится. Вроде как случайно встретились, он привел коней напоить, она с коромыслом...

– То есть, криница – это просто повод для свиданий в укромном месте?

– Ну да. На площади у колодца все как на ладони, за руку девушку возьмешь – сплетни пойдут. А в саду деревья, кусты, трава по пояс. С улицы не разглядишь, чем люди занимаются, хоть зацелуйтесь там.

– Прикольная схема, – одобрил Лев. – Но почему он в одиночку копает? Там же есть какие-то хлопцы. Наверняка, ребята крепкие, подсобили бы. По очереди копать сподручнее, устанешь меньше, и волдырей не будет.

Яша опять задумался, но потом раздраженно махнул рукой.

– Что ты привязался к песне? Хлопцы устали, они из похода вернулись. Допустим, несколько дней скакали без передышки. А может влюбленный сам отказался от помощи, хочет сам все сделать. Колодец – это же не только, чтобы с дивчиной познакомиться. От него для всех польза. За доброе дело его красавица и полюбит. Не сразу, конечно.

– Почему, не сразу?

– Сперва гордость показать надо, а как же...

Казак вывез тачку, полную навоза, вернулся и снова взялся за лопату.

– Гордость – она в любой ситуации важна, особенно, перед свадьбой. Ты же жених, сам должен понимать. Разве твоя невеста сразу на все соглашается?

– Нет, – ох, как же грустно это прозвучало.

– И правильно, – Яша утер пот со лба рукавом рубахи. – Ты ее от этого только сильнее полюбишь.

– А она-то меня полюбит?

– Выкопай криницу – узнаешь.

Удивительно, как много мудрости в этих словах. Целый философский колодец. Чем глубже копнешь, тем больше подсказок обнаружишь. Лев задумался о своей разноглазой судьбе и вроде бы узрел правильный ответ, который пробивался, подобно роднику на дне ямы сомнений, которую каждый человек выкапывает себе сам. Но тут великая сермяжная правда с возмущенным треском порвалась на портянки.

– Эй, мо'лодежь! Вам лишь бы потрындеть. Небось, о бабах? – Степан Пантелеевич рсточал ароматы скипидара и крепкого табака-самосада. – Прадед мой на хуторе бражничать запретил, а до'лжно бы еще и разговоры похерить. Допережь того в станицах, затевая всякое дело, собирались соседи погудорить. Садились за стол, в ногах же правды нема. А пустой стол – позор для хозяина. Ставили бутыль первача, закуску, а у всех кисеты с табачком – покурить охота. Часами просиживают, а дело не сподвигается. Под пустое балаканье я бы тебе обувку неделю ладил, а молча да без попойки... На-ка, примерь!

Он достал из-за спины пару сапог и бросил на кучу соломы в углу, вроде бы небрежно, как нечто незначительное, но изумление, промелькнувшее в глазах гостя и сына, старому казаку явно понравилось.

– Казацкие чо'боты крепкие, – горделиво продолжал он. – Хошь бегай, хошь пляши, хошь поперек реки плыви. Даже горящее поле перейти можно без всякого ущерба.

Лев поднял один сапог, потер каблук пальцами. Неожиданно возникло желание приложить голенище к щеке, он так и поступил. Ничего себе, какая кожа! Мягкая, тянется легко, но при этом прочная, не порвешь. Подошва жесткая, там скрыта стальная пластина. На гвоздь наступишь – гвоздю же хуже. Носок и пятка долго не протрутятся, там нашита защитная косичка из ремешков, скрученных с толстой проволокой. Отличный сапог, а главное, сел, как влитой. Не натрет, небось. Лев натянул второй, прошелся туда-сюда, топнул. Идеально. Разве что кожа чуток поскрипывает.

– Скрыпит? – угадал Степан Пантелеевич. – Ну, скидай. Смажу на ночь касторкой, утречком наденешь и уже не захочешь сымать. Хоть всю планету обшагай – сносу им не будет.

**Катя И-ва написала в хронике Льва Мартынова:
«Привет, Перелётный! Приходи на концерт в Байресе, будет весело»**

Лев совершенно не представлял, кто эта Катя и на какой концерт она приглашает, но зайдя на ее страничку, хмыкнул: а, ТА САМАЯ Катя. Милые локоны, глаза как у анимешки, вечно-приоткрытый рот. Пару лет назад весь Интернет следил за романом этой девушки с гитаристом легендарной рок-группы. Каждый третий комментарий к их совместным фото сочился ядом.

Да-да, конечно, официантка и миллионер.

Да-да, конечно, ей двадцать, ему шестьдесят.

Да-да, конечно, это любовь с первого взгляда...

Но подавляющее большинство в очередную сказку о Золушке поверило безоговорочно. Как сейчас верит байкам Перелётного жениха. Большинство – оно такое, доверчивое. Возьмите выборы депутатов, конгрессменов, сенаторов или президентов, любые возьмите, даже честные – сами убедитесь. Впрочем, мы отвлеклись, как обычно.

Вернемся к Кате. Спустя полгода она перестала волновать Интернет, потому что появилась новая Золушка. А потом еще пять или шесть. Хейтеры, тролли и восторженные обожатели перебежали к ним. Подруга рокера ушла в тень, но не ушла от рокера, как теперь выяснилось.

Лев огляделся в поисках красной рубахи, – вот она, уже выглаженная, на спинке стула, – начал натягивать через голову, да так и замер. А вдруг это ловушка? Следовательно Белопузов вполне мог задержаться на континенте, приковылять из Бразилии по мерцающему следу из фотографий с самым популярным в интернете хэштегом. Устроит засаду за кулисами и повяжет, не дав дослушать до конца песню о нервном срыве. Бывали случаи. В Петербурге бандитов ловили на Розенбаума, а в Нью-Йорке беглого мафиози заманивали на Оззи Осборна. Только один концерт! Столь вкусная наживка заставит самого недоверчивого рыба плюнуть на врожденную осторожность и выплыть из-под коряги.

Лев посмотрел на мир через красный шелк. Подобная пелена сейчас застит все здравые мысли в его голове. Что за паранойя опять? При чем тут следователь? Катя увидела, что самый известный путешественник *right now*⁵ проносится мимо. Включила магнит своего обаяния, притягивает к музыкальной тусовке. Это же шанс скрестить, так сказать, лучи славы. Он знаменитость. Она знаменитость. На сцене тоже сплошные знаменитости. Такой концерт нельзя пропустить, даже если это ловушка.

Наталья Гавриловна продолжала еנותить. Дуняша помогала, поэтому ее телефон оказался в полном распоряжении беспокойного гостя. Он позвонил Кате, договорился о месте встречи. Потом подумал с минуту и набрал номер Александры, который успел выучить наизусть. Сердце тревожно сжалось, затихло, пропуская удары, и поскакало дальше лишь после пятого гудка. Лев заглянул в личные сообщения – от Саши ни слова. Он не смог удержаться, написал: «Привет! Как здоровье?» и ворочался всю ночь, ругая себя, бесхребетное ничтожество, за склонность к уступкам.

Утром проверил: она прочитала, но ответом не удостоила.

Подождать?

Написать снова?

Нет, пора уже проявить гордость, о которой наперебой говорили Яша и доктор Фрейд. Хотя говорили они разное. Казак предлагал копать колодец, чтобы показать всю глубину своих

⁵ Прямо сейчас (английск.)

чувств, а отец психоанализа предложил бы зарыть эту яму, предварительно сбросив туда чувство вины, жалость к себе и прочие комплексы. Лев обдумывал это всю дорогу от фермы до города, силясь понять: почему при любом раскладе придется махать лопатой. Неужели нельзя построить нормальные отношения без изнурительного труда и волдырей на ладонях?

– Нельзя, – подытожил Яша.

– А? Что?

– Знак на площади, останавливаться надолго нельзя, – терпеливо повторил казак, – поэтому без долгих прощаний. Бывай здоров, заезжай в любое время. Для тебя всегда найдутся мягкая перина, угощение и работенка!

– Нет, уж лучше вы к нам, – отшутился Лев, пожимая широкую ладонь.

Вышел из машины и чуть не расплакался. Нету никаких «к нам», ты одинокий бродяга, которому любимая девушка даже смайлик не прислала. И ехать «к тебе» некуда, ведь ты сам не знаешь, где окажешься послезавтра. Отношения, чувства, психоанализ – это не для перелётных. Это для тех, кто сажает дерево, строит дом и растит сына, и год за годом, покрываясь зеленоватым мхом оседлой жизни, мучается от неразрешимых противоречий. Разве о таком ты мечтал? Nein⁶! Ты ведь даже на Александру смотришь, лишь как на объект сексуального желания. Ревность к другому самцу тому лучшее подтверждение. Стремись отнять игрушку у соперника, но что ты сделаешь с ней, когда наиграешься? Видишь ты в Саше мать своих будущих детей? Сможешь прожить с ней хотя бы три года, не изменяя и не обманывая? А после пятидесяти, когда ее лицо избородят морщины, а задница увеличится вдвое, ты захочешь лечь с ней под одно одеяло? Не думал об этом, Левушка? Никаких мыслей на перспективу, а значит, и перспективы нет. Ты привык жить по принципу «здесь и сейчас», впитал новомодную модель поведения, избавляющую от ответственности, а мысль о будущем проклюнулась впервые, да и то пока что не всерьез. Так-то, mein dummer freund⁷, катишься по миру – катись налегке. Без друзей, без любви и без денег.

«Ошибаетесь, herr⁸ Зигмунд!» – злорадно подумал Лев. После рукопожатия в его кулаке остались несколько хрустящих банкнот и сейчас внимание лучше переключить на них, чтобы не выслушивать нафталиновое брюзжание о психосексуальном развитии. Деньги есть! Казачьи традиции запрещают отпускать гостя без напутствия, причем это не советы-нотации, а все, что может пригодиться на пути домой: узелок с едой, кисет и трубка, посох, фонарь или золотой червонец, чтобы опохмелиться в ближайшем кабаке.

Лев рассматривал деньги. Купюры в Аргентине особенные, вертикальные. Надписи на них идут поперек, приходится смотреть как бы сбоку. Вот портрет ягуара в зеленых тонах. Вот синий кит. Причем живность распределяли не по весу, поэтому кит попал на двести песо, а ягуар – на пятьсот. Добавим шесть графитово-серых кондоров по полтинничку, и получится тысяча.

Эти сбережения он проел и пропил, пока гулял по Байресу – так называют аргентинскую столицу продвинутая молодежь. Зумеры считают, что произносить полностью: «Буэнос-Айрес» – зря тратить время. Ну, тоже странные. Сократили бы уже до «Бай», или «Би-Эй», но цифровое поколение не способно на радикальные шаги, предпочитает полумеры. Зато они деликатные и уважают личное пространство. Не лезут обниматься к Перелётному жениху, как пергидрольные домохозяйки из поколения икс, а тактично фотографируют с безопасного расстояния – перед фасадом Розового дворца, у обелиска на Площади Мая, на Мосту Женщины, но особенно много снимков сделали возле Флоралис Хенерика. Этот цветок из нержавеющей стали, размером с типовую московскую девятиэтажку, воистину завораживал. Скульптура не

⁶ Нет (немецк.)

⁷ Мой недалекий друг (немецк.)

⁸ Господин (немецк.)

просто дышала, раскрывая гигантские лепестки, она поворачивалась вслед за солнцем, словно живой подсолнух. Лев возвращался снова и снова, чтобы увидеть, как начищенный до блеска металл отражает полуденные лучи, разбрасывая вокруг миллионы солнечных брызг, как алюминиевые тычинки синеют в надвигающихся сумерках, как внутри сомкнувшегося бутона, обращенного на закат, разгорается красное зарево. Здесь, у подножия цветка, выпавшего из петлицы Пантагрюэля, легко почувствовать себя крошечным червячком и ужаснуться, ощущая неимоверную пустоту бездушной Вселенной. А вот пописать, к примеру, сложно, даже если приспичит.

Люди вокруг и все щелкают вспышками.

7358 пользователей отметили
Льва Мартынова на своих фото

Ровно в девять вечера он подошел к Ла Бомбонере. С высоты птичьего полета стадион напоминал конфетную коробку, а внутри, на футбольном поле, громоздилась раскрытая вафельница – сцена с огненно-рыжим задником, встопорченным будто ирокез Джигурды. Но на уровне мостовой все выглядело куда прозаичнее: армия в черных кожаных доспехах штурмует средневековый замок. Передовые отряды бьются локтями о железные ограждения и пытаются удерживать хоть какую-то стройность в рядах, чтобы атаковать ворота и прорваться к местам, указанным в билетах, но засадные полки нападают сзади, создают сумятицу и хаос, мешая всем и, в первую очередь, себе. Хорошо, что не придется нырять в эту толпу. Лев постучал в дверь с цифрой 7 и сказал секретный пароль:

– Э-эм, привет, народ. Я от Каги.

Его тут же проводили за сцену. Сколько тут всего понастроили, прямо на зеленой траве стадиона! Костюмерная со стеклянной дверью, за которой застыли два быка в униформе цвета хаки. Склад с инструментами, их стерегут четверо. Доминошная, для монтировщиков сцены, здесь охраны нет, но заходить не хочется: накурено, хоть топор вешай. А это что? Вертолетная площадка? Правильно, не везти же супергруппу по пробкам. Секьюрити выстроились в три ряда, все с дубинками и шокерами, на случай если фанаты прорвутся. Чуть дальше – гримерки для музыкантов, святая святых, но туда только через лазерный коридор...

Из этого коридора появилась Катя, схватила за руку, потащила в темный угол.

– Рада тебя видеть, – она поцеловала Льва в губы и оттолкнула к стене. – Стой здесь! Жди сюрприза!

Смотреть концерт из правой кулисы – это не совсем то, о чем мечтали большевики. Им больше подходит левая, да и оттуда слышался бы недовольный ропот. Мимо постоянно кто-то бежит, спотыкаясь о змеящиеся провода, матерясь на разных языках, толкая в спину, в бок, в грудь, умудряясь даже над головой протиснуться с чем-нибудь тяжелым и угловатым. Из-за многоярусной колонки виднеется самый бессмысленный кусок сцены с ударной установкой, единственное, что можно разглядеть с этого ракурса – тарелки хай-хэт, которые изредка подпрыгивают на стальном стержне. Звук доносится в искаженном виде, уши сворачиваются в трубочки, а нервы во всем теле ноют и подергиваются. Но к этим неудобствам быстро привыкаешь, и даже зубная боль, вспыхивающая в такт музыке, не портит настроения.

Музыканты отработали ровно два часа, поклонились и ушли. Жаль, в противоположную кулису. Но все понимали: это еще не конец. Десять минут гремели аплодисменты и крики: «Хотим больше! Хотим больше!» Первым вернулся барабанщик, притворяясь, что ищет забытые палочки. Он сделал удивленное лицо в стиле «А чё это вы здесь делаете?!» С минуту постоял, глядя на бушующее море, затопившее танцевальный партер. Сел и исполнил зажигающее соло. Встал, поклонился: хватит вам? «Нет!» – хрипели сорванные глотки многотысячного зрительного зала. – «Хотим больше!»

Ударник пожал плечами и свистнул. Этого сигнала только и ждали остальные. Выпорхнули бэк-вокалистки, прискакала ритм-секция, неспешно вышли гитаристы и в конце, ломаясь, как шарнирная кукла, появился солист.

– Окей, – просто сказал он, и зал мгновенно затих.

Исполнили на бис пять вселенских хитов, а потом волшебный голос, который только что объяснялся в симпатиях к дьяволу, запел о райских куцах:

– Нет ничего, ничего, ничего, что тебя остановит,
Никто не навредит тебе,
Никто не встанет на твоём пути к небесам...

Песня была написана задолго до рождения Льва и на концертах не звучала больше четверти века. Зачем же они откопали это старье?

А, понятно зачем.

– У вас есть мечты, я знаю, – прокричал солист в микрофон. – Вы верите, что эти мечты когда-нибудь исполнятся. Случится ли это именно с вами? Только если повезет. Потому что вы просто верите, но ничего не делаете. А мечты надо воплощать в жизнь. Это простая истина, хотя мало кто ее понимает. Я хочу поблагодарить хорошего парня, который готов ради своей мечты облететь всю планету. Мне шепнули по секрету, что он сегодня на нашем концерте. Хэй, ребята, думаю, вы поддержите, если я скажу: «Удачи тебе, Перелётный жених!»

Зал взорвался оглушительным «Да-а-а!»

Льва вытолкнули на сцену. Это сделала Катя, а может, кто-то из прокуренных монтировщиков, он не заметил. Вывалился из-за громадной колонки – и прямо в Зазеркалье. Сделал пару шагов. Глаза слепили разноцветные лучи прожекторов, направленных в одну точку, а у этой точки дрожали колени, пересох язык и путались мысли. Зрителей не разглядеть, но это к лучшему – иначе сердце взорвется. В юности Льва часто преследовали кошмарные сны, будто он голышом стоит на людной площади, прохожие глумливо хохочут, кричат презрительно – не разобрать слов, но вроде бы обсуждают «сморщенного малыша». Сейчас все наяву, и то, что одежда не исчезла, вообще не успокаивает. С трудом передвигая ватные ноги, Лев приковывался на авансцену. Динозавры рока приветливо кивнули, похлопали в ладоши и разошлись по гримеркам. Он остался на сцене один и, не понимая, что принято делать в таких случаях, просто поднял вверх обе руки и помахал публике. Не плачь по мне, Аргентина! Запомни молодым и красивым, ну или, ладно, таким, какой есть.

Полчаса спустя, а может, через год – чувство времени подводило, как и остальные пять, – Лев вернулся за кулисы. Он не соображал, где находится, кто его тормозит, чей голос пытается пробиться через фантомные звуки недавней овации и что плещется в стакане, который незаметно сунули ему в руку. С последним разобраться проще всего. Сделай глоток и узнаешь. Хм-м...

Как ни странно, вода.

Без газа.

Теперь сосредоточимся на голосе. Женский. Чуть пьяненький. Громыкает, как реактивная артиллерия.

– Катюша, – Лев потер виски, – прости, я ничего не понял.

– А что непонятного я сказала?

– Все. В смысле все, что ты сказала, звучало в моей голове как «бу-бу-бу».

– А, тебя контузило на сцене, – усмехнулась девушка. – С непривычки это случается.

Прикинь, именно так на людей обрушивается слава.

– Слава? – тонюсенькая паутинка потянулась из недавнего прошлого, – Слава... Слава... Чтоб меня отодрали... Неужели...

Паутинка постепенно превращалась в канат, по которому шальной мысли удалось вскарабкаться до самого верха, уткнувшись в потолок, где она замерла на мгновение, а затем рухнула вниз, распугивая монтировщиков сцены и прочих обитателей закулисья протяжным воплем:

– Слава – это не имя!

– Странный ты, – сказала Катя без капли удивления. – Ладно, повторю свои «бу-бу-бу». Если коротко, группа сегодня ночью летит в Австралию. Хочешь попасть на борт?

– Очень.

– Прекрасно. Пятнадцать часов – и ты в стране кенгуру.

– Пятнадцать? Как-то слишком быстро. Обычно же летают с пересадками, типа Южная Африка, потом какой-нибудь Сингапур, – он пытался вспомнить карту мира или, хотя бы, глобус. – Минимум часов тридцать набегит.

– В обход, окольными путями – это не для рокеров. Рокеры летают напрямик.

– Через Тихий океан?

– Ага, – кивнула Катя.

– Совсем спятили? Это же треть Экватора! Тысячи километров сплошной воды. Даже Боинг «три топора» вряд ли осилит такой перелет.

– Подумаешь, Боинг, – фыркнула девушка. – Кому он нужен, когда есть Ил-76? Особая модификация, которую используют для перевозки грузов в Антарктиду. Этой машине хватит топлива до архипелага Читер... Нет, вроде не Читер. Читер – это другое... А, Чатем. Там на самом крупном острове должна быть грунтовая полоса.

– Должна быть? – напрягся Лев. – То есть, это не точно?

– Не волнуйся, полоса обязательно будет. Все проверили заранее. Там и полоса, и дозаправка. Самолет полетит налегке, груза с гулькин нос – инструменты и команда. Концертную аппаратуру не повезем, в Сиднее комплект лучше. А сцена давно готова, еще с прошлого выступления.

Подозрения не рассеивались, наоборот, сгущались, подобно туману.

– И как же вам удалось зафрахтовать эту особую модификацию?

– Фанаты рок-музыки есть даже в ООН, – подмигнула Катя. – Не вникай, короче. Доле-тишь.

– Доле-тишь? – что-то в этом глаголе напрягало. – Доле-тишь... Погоди, а ты разве не с нами?

– Нет, у меня еще дела в Байресе. Тот чувак из ООН, который подогнал самолет, пригласил на ужин. Не могу же я отказаться. Но ты не переживай. Летчики понимают, что не дрова везут, а супер-группу. Так что все долетят, и ты тоже. В крайнем случае, разобьешься в самой приятной компании... Хотя, эти рокеры не настолько приятные, на самом деле. Все немножко того, – она покрутила пальцем у виска. – Параноики. Новых людей сторонятся, поэтому придется тебе посидеть в багажном отсеке.

– Но там же холодно, – Лев уже заранее вздрогнул. – Говорят, можно замерзнуть насмерть.

– Врут, небось, – усмехнулась Катя. – Ну, решай: ты летишь или остаешься?

Лев Мартынов путешествует – >> в Австралию

Точную дату и время определить невозможно

Где-то над Тихим океаном

Закрытая запись

Не то, чтобы врут. Привирают. Холодок не из приятных, но не лютый гренландский мороз – и на том спасибо. Да это и не типичный багажный поддон в брюхе самолета, тут все-таки

особая модификация, поэтому вся хвостовая часть отдана под грузы. От пассажирского салона их отделяет перегородка с железной дверью, которая открывается только с той стороны, а здесь даже ручки нет. Это Лев сразу проверил, а потом сложил подобие вигвама из чемоданов, ящиков и чехлов с электрогитарами. Вроде надежный, не развалится.

В детстве похожие убежища строились из нескольких стульев, верблюжьего одеяла и пары подушек. Так легко было спрятаться от всех проблем, зажечь фонарик и читать книгу о детях капитана Гранта, или просто сидеть в темноте, вдыхая странный сладковатый запах пыли. Мечтая о путешествиях, дуэлях и погонях. Было такое, Левушка? А то! Представлялось, что ты – благородный идалго, преследуешь злодеев и спасаешь прекрасных девушек, которые тут же безнадежно влюбляются в своего избавителя. А реальность вывернула все эти мечты наизнанку. Ты проходимец, убегающий от закона, хотя это не самая большая беда. Ты еще и от любимой девушки ушел. По глупости ушел, в самый неподходящий момент. Бросил на больничной койке, не дождавшись улучшения. Поэтому она и не отвечает. Обиделась, наверное...

Так, стоп! Что за эгоистичные мысли? Думаешь, все вертится вокруг тебя? А вдруг Саша еще не совсем поправилась? Вдруг ей трудно говорить и буквы перед глазами расплываются? Может, она просто не в силах ответить...

Надо отправить еще сообщение.

Или не надо?

Нет, к черту сомнения! Отправить, обязательно, отправить. При первой же возможности. Господи, как же трудно без мобильного. И как раньше люди общались?!

Лев закрыл глаза, удерживая набежавшие слезы, и привалился головой к потертому гитарному чехлу.

Ладно, сообщение он отправит, рано или поздно. Но этого мало. Нужно вернуться.

Вот только куда? В Бразилию? Без вариантов. С каждым ударом его заполошного сердца самолет удаляется от Южной Америки примерно на четверть километра. Но даже если развернуть его прямо сейчас, вернуться в Буэнос-Айрес и каким-то чудом доковылять до Манауса – не факт, что Саша сидит там, на берегу, свесив ноги в Амазонку, и ждет, когда на горизонте появится красная рубаха. Ну, или когда пиранья сгрызут ее пятки...

Нужно вернуться в Москву. Через Австралию, раз уж так легла карта мира. Через месяц или год, если раньше не получится. А в Москве он непременно разыщет Александру. Пусть журналистка проводит половину жизни в командировках, но ведь есть еще и другая половина. Домашняя. Уютная. В плюшевой пижаме и вязаных тапочках. Он узнает адрес в редакции журнала, соврет что-нибудь, как обычно, это не трудно. Поднимется по лестнице на самый верхний этаж, к ее двери, запертой на сотню маленьких замочков – вроде тех, которые влюбленные парочки вешают на прутья мостов в Париже, Нью-Йорке, Буэнос-Айресе, он замечал их краем глаза, традиция-то везде одна. Лев достанет из-под половичка связку ключей и начнет открывать замочки по очереди. Кляц! Кляц! Кляц!

Он открыл глаза.

Похоже, задремал. Приснится же такое...

Клацанье маленьких замочков все звучало в ушах. Лев осторожно выглянул из своего укрытия. Возле горы инструментов стоял музыкант легендарной рок-группы, он раскрывал гитарные чехлы, один за другим, и неодобрительно качал головой. Увидев Перелётного жениха, он не удивился, только смущенно пригладил всклокоченные волосы над фиолетовой банданой.

– Прости, если разбудил, мэн, – прошептал он. – Просто заскучал без музыки. Захотелось поиграть. А, вот и ты, старый друг!

Он достал акустическую гитару – потемневшую от времени, исцарапанную, с бурными точками по всей деке, словно ее посыпали тростниковым сахаром, и с перламутровыми кружочками, наклеенными вокруг голосника. Сел на ящик. Скрюченные пальцы пробежали по струнам.

– Да, так гораздо лучше, – хмыкнул музыкант. – У меня больше трех тысяч гитар. Нужно хотя бы раз в год сыграть на каждой, а то они обижаются. Ты кто такой, мэн?

– Я, – Лев растерялся, вспомнив предупреждение о паранойе старых рокеров. – Э-эм... Я друг Кати.

– А! Катя – прекрасная девушка. Ты русский?

– Ага.

– Русские прекрасные люди, мэн, – морщинистые пальцы сыграли первые такты «Вальса цветов». – Чайковского знаешь?

– Ну, не то, чтобы лично, – пошутил Лев.

Музыкант не заметил иронии, он растворился в мелодии, порхал, как бабочка с цветка на цветок, потом беспечное насекомое подхватили крылья ветра, и это было улетно, а дальше зажужжал шмель, только раза в три медленнее, чем у Римского-Корсакова, наверное перебрал забродившего нектара на солнечной полянке.

Неожиданно музыка оборвалась.

– Ты был в Москве, мэн? – придиричиво спросил старый рокер.

– Я там живу вообще-то, – вздохнул Лев.

– Знаешь, мне понравилось в Москве. Город переполнен чудесами, – музыкант тряхнул седой гривой и стал наигрывать что-то свое. – Я вышел как-то ночью из гостиницы и просто шел по улице. Не знаю куда. Не знаю зачем. Рядом со мной брела лохматая черная псина. Сначала я думал, что она просто пробежит мимо, мэн. Остановился. Собака тоже остановилась. Пошел дальше и она пошла рядом. Я долго разговаривал с ней и к утру понял, что это – добрый дух.

– Разве добрый дух может быть черным? – удивился Лев.

– Ты расист? – подозрительно спросил музыкант.

– Какой я расист? Я однажды чуть не женился на негритянке.

– Я тоже, мэн. У каждого в жизни бывает такой момент...

– Просто это странно, – перебил Лев. – Добрый дух должен являться в белоснежном сиянии. На худой конец, в небесно-голубом. Или в золоте.

– А злой вряд ли отпустил бы меня живым, – с сомнением в голосе пробормотал старый рокер. – Но в мире много удивительных вещей, которых мы не понимаем, мэн. Вот мы вылетели из Аргентины вчера, так?

– Так.

– А в Австралию прилетим завтра.

– Почему не сегодня? – пожал плечами Лев. – Мы же по короткому пути, вроде...

– Да, но ты забыл про линию перемены дат, – старый рокер постучал пальцем по бандане на лбу. – Думай головой, мэн. Мы уже глубоко в завтра, а прилетим – послезавтра. Но самое смешное, что все эти часовые пояса и перемена дат – нереальны. Через сколько бы дней мы не перепрыгнули, наши тела состарятся ровно на сутки. Мое тело привыкло стареть, мэн, это то, что оно умеет делать лучше всего. Ты еще молод, и, возможно, захочешь поискать вчерашний день, но я давно уже не смотрю на календарь. Плевать, какая там цифра нарисована. День либо хороший, либо отвратный. Третьего не дано...

Он играл на гитаре еще минут десять, не обращая внимания на нежданного зрителя. Слушая старый блюз, Лев задумался о том, каким же он был идиотом, когда уехал от Саши, и еще много лет до этого. Идиотом не в смысле Достоевского, а в смысле Кашенко.

– Ты знаешь, что такое иллюзии? – спросил музыкант, не переставая играть. – Я все знаю про это дерьмо, мэн. Иллюзии не спрашивают, хочешь ты их видеть или нет. Появляются в самый неподходящий момент, когда тебе это меньше всего нужно. Иногда они радуют, врать не стану, но чаще ведут к гибели. А знаешь почему?

Пальцы застыли на струнах, подчеркивая драматичность момента.

Лев покачал головой.

– Потому, что мы часто путаем, где иллюзии, а где реальность, – музыка зазвучала снова. – Научись отличать одно от другого, и – все.

– Что – все?

– Все. Ты счастлив, мэн.

Еще один философ, блин. Легко быть счастливым, когда ты взобрался на вершину, когда тобой восхищается весь мир, и ты можешь позволить себе делать лишь то, что хочется – бренчать по струнам любой из трех тысяч гитар, чтобы они не заскучили...

– Я знаю, о чем ты думаешь, мэн, – улыбнулся музыкант. – У меня три тысячи гитар, а у тебя ни одной. Несправедливо, согласен. Вот, держи, теперь она твоя.

Лев сразу забыл обо всех тягостных мыслях, с трепетом взял в руки инструмент и сразу почувствовал, как его тело наполняет живительная энергия, наподобие электрического тока, от которой волосы на затылке встают дыбом и потрескивают, а слезы на ресницах моментально испаряются с едва слышным шипением.

– Спасибо, мэн! – восхищенно выдохнул Лев. – А можно автограф?

Он поднял глаза и осекся.

В грузовом отсеке никого не было.

Лев Мартынов:-/ решает остаться

24 мая, 19:10

Харбор-Бридж, Сидней

Доступно: всем

С высоты птичьего полета сиднейская обсерватория напоминает лицо инопланетянина из первых космических фильмов: два зеленых купола, будто глаза навывкате, башня – то ли длинный нос с желтой бородавкой, то ли щупальце для улавливания эмоций землян, серебристые губы-лезвия острых крыш с торчащими клыками печных труб. Взглянешь из летающей тарелки – сразу понимаешь, что можно приземлиться. Здесь все свои, не обидят.

Лев пробыл в Сиднее всего пару часов, но уже не сомневался, что город заселили пришельцы. Настолько нетипично вели себя прохожие.

Ну, во-первых, его не узнали. Австралийцы не разглядывают людей, не сверлят глазами лица, а смотрят себе под ноги, чтобы не споткнуться об утконоса, перебегающего дорогу. А может это комплексы такие у тех, кто ходит по южному полушарию планеты – люди опасаются, что однажды сила притяжения накроется медным тазом и все упадут в космос. Вот и поглядывают вниз, чтобы убедиться, что подошвы сапог плотно прижаты к Земле.

Во-вторых, местные жители не шарахались от перевозбужденного незнакомца, который приставал с расспросами и навязчивыми просьбами. Ему спокойно давали телефон, чтобы названивать Саше снова и снова. Безрезультатно. Девушка не взяла трубку, но тут уж австралийцы не виноваты. Зато удалось отыскать в соцсетях знакомого серфингиста, который как раз коротал день в Сиднее – вот удача! Встречу назначили около обсерватории.

Сидя на красивом холме, в ожидании приятеля, Лев смотрел на гавань. На синюю-пре-синюю воду, которую бороздят степенные прогулочные лайнеры цвета сливочного мороженого и суетливые яхты с косыми парусами. Вдалеке распускалась жестяная лилия знаменитого на весь мир оперного театра.

Удивительно...

Британцы двести лет высылали в эту колонию преступников и смутьянов, которые мешали жить чопорным леди и джентльменам. Сюда, в поисках лучшей доли, стекались разорившиеся купцы и незаконные отпрыски дворянских семей, даже не помышляющие о наследстве. Мошенники, проститутки, контрабандисты, скопившие небольшие капиталы, бежали с лондонских улиц и становились уважаемыми землевладельцами на новом континенте. Кто

еще? Карточные шулеры, утратившие ловкость пальцев из-за артрита. Двоеженцы, решившие начать все заново с третьей женой. Священники, лишенные сана за, поди теперь угадай, какие грехи. Дезертиры, уставшие от европейских войн. Старатели, охваченные золотой лихорадкой. Авантюристы всех мастей. И представьте себе, этот сброд сумел-таки построить рай на краю света.

Возможно, и русскому коррупционеру стоит осесть здесь, хотя бы на пару лет, пока все не уляжется. Чем дольше Лев раздумывал об этом, тем больше убеждался, что торопиться с возвращением в Москву не стоит. Он уже принял импульсивное решение, услышав чужое имя из уст любимой. Хватит ошибаться! Лучше не спеша обмозговать это дело. Саша рано или поздно перестанет обижаться, ответит на звонок или сообщение. Вместе посмеются над той глупостью, которую он себе вообразил. Александра может выбить командировку в Австралию, прилетит делать фоторепортаж про кенгуру, а он убедит девушку остаться насовсем. Есть, знаете ли, способы. Ой, ну, конечно, знаете. Секс, там, котики. Рок-н-ролл, опять же. А жить они будут в маленькой хижине, на берегу очень тихой реки. Хотя, не исключено, что денег хватит и на виллу у моря. Лев поправил гитару, висевшую на ремне за правым плечом – да, подарки не принято продавать, но легендарный музыкант поймет. Не зря же он, выходя из самолета, сделал вид, что впервые видит Перелётного жениха, но пройдя несколько шагов, обернулся и приложил указательный палец к фиолетовой бандане. Подумай, мэн! Не путай иллюзии и реальность. А реальность такова, что на интернет-аукционе за инструмент знаменитости отсыплют много денег. Не миллион долларов, но тысяч двести точно дадут.

Или триста...

Он увидел серфингиста.

Юрка, также известный под прозвищем Юркий – один из лучших наездников на доске. Если судить по видео в интернете, то волны, которые он покорял, в разы круче девятого вала на картине Айвазовского.

– Приветы! – крикнул он издали, поднимая кулак с оттопыренным мизинцем и большим пальцем. – Как твое ничего?

– Как у белой пешки в гамбите Эванса, – пошутил Лев, обнимая подошедшего приятеля. – Вроде сразу не съели, но чую, что добром не кончится. Как сам?

– Пока дрейфую. Стараюсь не делать резких движений, – на загорелом лице сверкнула белозубая улыбка. – Коплю силы к сентябрю.

– А что в сентябре?

– Как что? Сентябрь.

– И?

– Зимняя спячка закончится.

– Ясно, – улыбнулся Лев. – Я подумал, мало ли, какое-то событие.

– Я зимой всегда живу помедленнее, а летом ускоряюсь, – объяснил Юрка, рисуя в воздухе синусоиду.

– Интересный подход. Энергосберегающие технологии, да?

– Этого добра в Австралии навалом! Тут все эколоджикал-фрэндли. Поехали, сам увидишь. У меня джип за углом.

Лев Мартынов >0< запутывается в сетях

25 мая, 6:20

Национальный парк Куйура, Австралия

Нет возможности для публикации,

запись будет сохранена, как черновик

Австралия – страна прекрасная, но уж очень большая. А глаза быстро устают от красоты. А спина устает еще быстрее, даже на комфортном сиденье. А все, что хотелось, уже обсудили, причем по два раза.

А проехали только полдороги...

Юрка покрутил колесико на магнитоле в поисках приятной музыки. Сквозь шипение пробился голос диктора новостей:

– Астронавты на международной космической станции...

Снова шипение. Грянуло разухабистое техно. Нет, не то. Крутим дальше. Бодренький речитатив. Рэпер глотает окончания, как принято у австралийцев. Они даже страну называют «Страя», убрав лишние буквы. Дальше. Визгливая азиатская попса. Ужас какой! Дальше! Нечто артхаусное. Странные звуки, лишний раз подтверждающие, что континент населяют пришельцы с других планет.

Юрка вздохнул и вернулся к новостям из космоса:

– ...успешно провели ремонт подшипника, что позволит сменить ориентацию солнечной батареи.

– Сменить ориентацию? – хмыкнул он. – Это как?

– Как в сказке, – лениво протянул Лев. – Батарея, батарея, повернись к солнцу передом, ко мне задом.

– Забавно. В серфинге тоже учитывается ориентация.

– Типа, ЛГБТ катается отдельно от натуралов?

– Ваще не про то. Считается, что правильно ездить на доске левой ногой вперед. Тех же, кто ставит на нос правую ногу, как я, называют «гуфи».

– Как в мультике?

– Точно, – кивнул Юрка. – Один из первых мультиков Дисней был о том, как Гуфи попадает во всякие забавные ситуации, катаясь в неправильной стойке. А я, когда начинал, понятия не имел – что правильно, что нет. В Австралии школьников на уроках физкультуры приучают к доске. А меня кто бы учил? Приехал доходяга из России, лопочет непонятное... Я же толком английского не знал, пока мы здесь не осели. Зато куража полные штаны. Встал и поехал. Тут с рифа пошла волна. Она коварная, без всякого предупреждения ломается «ступеньками» и сносит даже самых крутых профи. А я спиной развернулся, не вижу ничего, только чувствую, под доской вдруг яма возникла, и я падаю. С пятого этажа примерно. Ощущения жуткие, но так быстро все происходит, что испугаться не успеваешь. Я инстинктивно свернулся в клубок, колени к груди прижал, голову спрятал.

– И что? – ахнул Лев.

– И умер, – серьезно сказал серфингист, но тут же прыснул в кулак. – На самом деле повезло. Мог разбиться или покалечиться, но отделался легким испугом. Волна меня ударила снизу – видел, как Неймар пинает мячик? Я и полетел, словно мячик. Приземлился удачно, доплыл до берега. Клялся, что никогда больше не встану на доску, но на следующий день снова пошел на волну, а через неделю покорила ее. С тех пор уже двенадцать лет в этих краях. Весной, летом и осенью катаюсь, учу новичков.

– Местных? – зевнул Лев.

– Ты ваще не слушаешь, да? – Юрка не обиделся, даже похлопал его по плечу. – Я ж говорил: местных учат со школьной скамьи. Станут они платить инструктору? Держи карман шире. Но мне туристов хватает. Москвичи каждый год приезжают, причем у большинства с английским – как у меня раньше. Бегинер с минусом. Зато деньги есть. Весь сезон катаюсь, а зимой на работу устраиваюсь. Помогаю Банни. Она последние три года трудится в заповеднике, на острове Кенгуру. Там и живем.

– А, ты все еще с Аней? Поженились? – Лев сам удивился, что задал этот вопрос, видимо, в очередной раз всплыл перископ из глубин – желтая субмарина подсознания готовится к торпедной атаке.

– А зачем? – пожал плечами Юрка. – У нас с ней, как в серфинге – пока идет волна, катись и кайфуй. Не задумывайся.

Конечно...

Тут задумывайся, не задумывайся, а торпеды сомнений уже выпущены и в голове грохочет канонада:

– А если на берег выбросит? Если доска сломается? Если больше ни одной волны не дождешься? Если весь кайф пропадет?

– Ваще не думаю о таком. Кайф пропадает как раз в тот момент, когда начинаешь о чем-то тревожиться.

Юрка помигал фарами и посигналил, съезжая с трассы на боковую дорогу.

– Срежем через заповедник. Так быстрее, – объяснил он и подмигнул пассажиру. – Достань из бардачка зеленую табличку и поставь на стекло. Это пропуск. А то рейнджеры могут и колеса прострелить, они в этом парке особенно злые.

– Из-за браконьеров? – уточнил Лев, нашаривая картонку.

– Из-за Рэмбо, – хохотнул серфингист. – Тут решили устроить охранную зону для грызунов. Не знаю, то ли какие-то мыши, то ли бурундуки, а может и вообще тушканчики. Главное, что они вымирают бешеными темпами, поскольку не могут размножаться в неволе. Неловко им, видите ли, шпилиться в лаборатории или в зоопарке. Только на природе. Но там хищники, которые могут обломать в любой момент. Получается палка о двух концах, куда ни кинь – всюду жопа. Добрые люди огородили тысячу квадратных километров, – чтоб ты понимал, это больше чем Москва внутри МКАД, и зачистили территорию от любых хищников.

– Постреляли, что ли? – ахнул Лев.

– Кому-то повезло. Сумчатые куницы тоже вымирают, поэтому их отловили по одной и переселили в другой заповедник. Что касается лис и динго, то их никому не жалко. Этих постреляли. Запустили первую семью грызунов в природную среду обитания, показали по национальному телевидению. Ура, ура, спасли редкий вид. А через неделю счастье кончилось. Один лис каким-то чудом уцелел, вот и позавтракал новоселами. По следам пустили собак, рейнджеры заявили, что это дело чести – завалить злодея. Но пока ваще не получается. Полтора года, – прикинь! – лис всех вертит на своем рыжем хвосте. Они тут камер навешали, капканы на каждой тропинке ставят, облавы, погони – бестолку. А грызуны уже начали потихоньку вымирать в лаборатории. Дошло до того, что окрестным охотникам, которые в большинстве своем – браконьеры, предложили награду за шкуру смутьяна. Но они отказались, даже когда пообещали десять тысяч долларов. Для них лис – настоящий борец за свои права, который родился на этой земле, и ни у кого нет права выгонять его ради каких-то там грызунов.

– Неужели никто не позарился на щедрую премию?

– На живом лисе можно поднять гораздо больше денег. Букмекеры принимают ставку, сколько дней еще продержится беглец. Журналисты прозвали зверюгу Рэмбо и регулярно пишут в газетах о его ловкости и провалах лесных карателей. Поэтому обиженные рейнджеры только и ждут, на ком бы отыграться. Хорошо, что у нас есть пропуск.

Лев посмотрел на алеющую полосу горизонта и мысленно пожелал рыжехвостому коллеге удачи. Кто знает, может быть за тридевять земель отсюда, тоже заключают пари: как долго Перелётному жениху удастся скрываться от длинной руки закона. Делайте ваши ставки, господа присяжные заседатели!

Он вздрогнул. Нет, нет, давайте-ка обойдемся без судебно-правовой терминологии. Тьфу-тьфу-тьфу! Огляделся в поисках дерева, по которому можно постучать. Но лес остался позади и за окном, как назло, потянулась пустынная степь. Первые лучи восходящего солнца

рассыпались по бескрайним просторам, спотыкаясь о небольшие желтые холмы вдалеке. А здесь, в низине, колыхалась и подрагивала белая пелена. Туман? Нет, больше похоже на снег. Логично, в Австралии же сейчас зима, поэтому и снег выпал. Хотя по ощущениям, совсем не холодно, и термометр на приборной доске показывает, что снаружи плюс десять.

– Почему снег не тает? – спросил Лев.

– Какой снег? – удивился Юрка.

– Ну... Вот же...

– Это не снег.

– А что же?

– Приглядишься.

Обычно, когда таким хитрым голосом советуют: «Приглядишься» – в этом обязательно скрыт подвох. Лучше не приглядываться. Лучше зажмуриться и делать вид, что любопытство не пытается взломать закрытые веки изнутри. Но Лев попался на удочку и во все глаза уставился на белый покров, пытаясь определить, из чего он состоит. И почему подрагивает от порывов утреннего ветерка. И что это за нити тянутся во всех направлениях, перекрещиваясь под разнообразными углами, образуя тысячи геометрических абстракций, словно безумный рыбак забросил сеть для ловли рыб-авангардисток. Почему на суше, а не в море? Так безумный же...

Дорога свернула влево, и машина поехала прямо через белоснежное поле. Юрка нарочно снизил скорость, а солнце поднялось в небе уже достаточно высоко, чтобы разглядеть, что на километры вокруг растянулась огромная паутина.

– Па... Па... Па...

Противное слово никак не хотело выговариваться.

– Точно! – согласился серфингист. – Пауки. Они тут крупнее тех, к которым мы в России привыкли.

Лев представил огромных прядильщиков, соткавших этот саван, и шумно втянул воздух через стиснутые зубы. Он никогда не страдал арахнофобией, то есть мелких, комнатных, угловых домоседов не боялся. Как и кошек, например. Теперь смотрите, какая штука. Если увеличить кошку в двадцать раз, то получится тигр. А его уже стоит бояться, поскольку тигр опасен для жизни. Хотя, по сути, от домашней кошки отличается только размерами. А если паука увеличить в двадцать раз...

– Блин... Давай уедем отсюда поскорее, – попросил Лев, косясь на клочки паутины, перелетающие через шоссе.

– Жутенько, да?

– Скорее противно. Представил, что запутался в этих сетях, и сразу хочется под горячий душ, оттирать мочалкой паутинки, пока не помер от отвращения.

– Будет тебе душ, – подбодрил Юрка. – Но хочу предупредить, что у нас в доме тоже живет паук. Не прихлопни его тапкой, ладно?! Он полезный, тараканов жрет. Тараканы здесь тоже крупнее московских. Намного крупнее. А враг тараканов – наш друг, согласен? Паучок спокойный, от людей прячется на потолке. Шансов встретиться у вас минимум.

– А если встретимся – не укусит?

– Укусит, конечно. Но только если ты в него пальцем тыкать начнешь.

– Утешил, – буркнул Лев. – Он у вас хотя бы не ядовитый?

– В этой части Австралии ядовитых пауков нет.

– Ясно... А что насчет змей?

– Этих много, – кивнул Юрка. – Кстати, хорошо, что напомнил. Важное предупреждение: ты, когда на унитаз садиться будешь, непременно проверь, что там внутри нет змеюки.

– Шутишь, надеюсь?

– Ваще нет. Не знаю почему, но им нравится проползти по трубе, свернуться в унитазе и вздремнуть часок-другой. Может, прохладный фаянс для них идеальная лежанка. Поэтому

прежде, чем сесть – нажми на смыв, не поднимая крышки. Зубы у змей острые, больно цапнет. Даже без яда заживать долго будет. Но ты не переживай, ядовитые тоже не такие, чтоб укусила и сразу насмерть. Самая опасная – белянка. По цвету она чуть желтоватая с зелеными полосками, не помню, как по-научному называется. Но даже ее яду нужно не меньше трех часов, чтобы человека завалить. Успеем сыворотку вколоть. Все остальные вообще безопасные, в течение суток можно уколется и никаких проблем. Здешние фермеры парятся только из-за белянки. Любая другая змея вцепится – ну, что ж, они продолжают поле окучивать, вечером идут выпить пивка, потом хорошенько высыпаются и только утром шагают к доктору. Так что и ты не парься. Бояться тут нечего.

– Серьезно? – всплеснул руками Лев. – А крокодилы? Я смотрел один фильм про Австралию...

– «Крокодила Данди»? Так это туфта полная, – засмеялся Юрка. – По статистике, за последние десять лет на всем континенте – а он гигантский, сам видел, – крокодилы сожрали всего 17 человек. От укусов змей за этот же период погибли 26, а я тебе говорил, как много тут змей. Собаки динго загрызли в два раза больше народу. А на первом месте знаешь кто?

– Акулы?

– Пчелы. Ваще терминаторы: 109 трупов за десять лет. Но они хотя бы мед дают. А ведь есть еще ревнивые мужья и жены, убивающие в состоянии аффекта. Уличная преступность. Пищевые отравления. Автомобильные аварии. Инфаркты. Жить вообще страшно, но крокодилы в этом не виноваты.

Лев Мартынов:-) вспоминает таблицу Менделеева

25 мая, 12:58

Остров Кенгуру, штат Южная Австралия

Доступно: друзья поблизости

Последние несколько часов они не разговаривали. Долгий путь выжал силы и эмоции до капли. Юрка давно перестал размахивать руками, лишь нервно дергал головой в нужную сторону. Смотри, мол, какая красота. Лев послушно поворачивался в нужную сторону, но давно уже не восхищался. Фиксировал окружающую действительность бесстрастно, как камера гоупро.

Аделаида. Город контрастов. Развалины британских колониальных складов из красного кирпича. Строящийся небоскреб какой-то Корпорации – этажей двадцать уже готовы, а выше торчит жесткий ирокез из арматур. Целая улица итальянских кафе и вездесущие вьетнамцы, торгующие бутербродами с велолотков. Красивые девушки в мини-юбках – тут что-то шевельнулось, разрушая гнетущую бесстрастность, но машина слишком быстро свернула за угол. Обидно...

Залив Святого Винсента. Гиацинтовые волны с клочками бледно-сиреневой пены. Золотые спины тюленей, резвящихся на мелководе. Подъемные краны в порту, выкрашенные флуоресцентными красками. Все три зоны мозга, отвечающие за любопытство, возбужденно пульсировали – наверняка, по ночам эти железные конструкции выглядят как цапли Баскервилей! – но усталость быстро погасила эту иллюминацию, и Лев снова погрузился в апатичное созерцание.

Паром на остров Кенгуру. Белоснежный борт разрисован смайликами, как чат пятиклассниц. Внутри гигантская парковка для машин – четырехрядка с бортовой качкой. А когда укачивает, трудновато сохранять бесстрастность. Где тут ближайший... А все, уже не надо. Где тут ведро и швабра?

Так, ну вот, собственно, и остров. Лев разглядел шербатые оранжевые скалы, нависающие над песчаными пляжами, эвкалиптовые рощи и зеленые поля, которым позавидует любой

элитный гольф-клуб. Шаткий причал, обвешанный старыми покрывками. Уходящая за горизонт проселочная дорога...

Они снова куда-то ехали, но тут уже и гоу-про не выдержал. Отключился. Дальше все прорисовывалось контурами, как в детской раскраске. Вот холм. На холме белый дом. Два этажа. Окошки. Крыльцо. Дверь.

– Заходим тихо, – предупредил Юрка, поворачивая ключ в замке. – У Банни сейчас вебинар.

– Точно, – вспомнил Лев, приходя в сознание, – она же в Москве учителем химии в школе работала.

– А теперь преподает в интернете. Прикинь, здесь тысячи эмигрантов из России, а их дети учатся в австралийских школах и ваще не врубаются в химию. Согласись, все эти кислоты, щелочи и их реакции – штука офигенно сложная. Банни открыла курс «Химия для блондинок», сейчас же все помешаны на онлайн-образовании и саморазвитии...

Тонкие стены из толстой фанеры или чего-то похожего не преграда для голоса школьной учительницы – мелодичного, склонного к завышению и, по традиции, всегда изрядно раздраженного.

– ...пилочка из твоего маникюрного набора покрыта мелкой крошкой, которая бережно стачивает и натуральные ногти, и искусственные. Это оксид алюминия. Кто может написать его формулу? Молодец, Маша. Теперь все находим в таблице Менделеева номер 83. Висмут. Удивительный металл, в жидком виде его плотность выше, чем в твердом. Отталкивается от обоих концов магнита. Но вам будет проще запомнить следующее: оксихлорид висмута добавляют в лак для ногтей, чтобы создать перламутровый эффект. Еще его можно встретить в блеске для губ и тенях для век. По натуре – радиоактивен, но «фонить» начнет только через миллиарды лет. Так что не напрягайтесь.

Лев осторожно заглянул в гостиную. Аня сидела в кресле, перебросив красивые загорелые ноги через подлокотник. Ноутбук она держала на коленях, а рядом на столике стояли блюдо с ломтиками сочной груши и недопитый бокал вина. Даже несмотря на реформу образования, мало кто из учителей в Москве, а тем более, в провинции, решился бы вести уроки в ультракоротких шортах и с бутылочкой красного. Разве что, физрук, но вы же понимаете – это другое. Также невозможно представить, чтобы «химичка» позволила кому-то из учеников называть себя не Анной Ильиничной, а мультяшно-кроличьим именем. Но здесь Австралия, здесь все перевернуто вверх тормашками.

– Дальше ищем кремний. Все нашли? Лера, ну почему «Kr»? Ищи «Si». Легко запомнить: Si – это сиси. Силиконовые импланты делают как раз из кремния: и оболочку-эластомер, и гель внутри. Конечно, наукой не доказано, что увеличение размера груди влияет на привлекательность девушки. Но практика показывает: конечно, влияет. Но тут нам лучше спросить мнение эксперта. Девочки, а знаете, кто нам это подтвердит? Сам Перелётный жених.

Она повернула ноутбук так, чтобы камера поймала ошарашенное лицо.

– Иди к нам, Левушка, не бойся. Скажи, вот лично ты одобряешь желание женщины закачать в грудь силикон? Ой, засмутился... Не хочешь говорить – просто кивни. Вот, что и требовалось доказать, – Аня взъерошила его отросшие волосы и чмокнула в щеку. – Рада, что ты приехал. Девочки, возможно, я уговорю нашего дорогого гостя рассказать о своем путешествии. На следующем семинаре. А пока прекращайте сыпать смайликами и присылать сердечки, продолжаем обучение. Дальше у нас азот. Из него, точнее – из полиамидов, получают капрон и нейлон. То есть за чулки в сеточку скажем спасибо именно этому химическому элементу. Также оксид азота помогает выдавливать взбитые сливки из баллончика...

– Взбитые сливки? Вкуснятина. Жаль, у нас их нет, – усмехнулся Юрка, гремя на кухне кастрюлями. – Ладно, сварганим что-нибудь на скорую руку.

Спустя четверть часа Лев уплетал макароны по-флотски за обе щеки, даже не переживая о том, что его местоположение рассекречено. Да, теперь и Австралия накрылась, как убежище, но сил на рефлексию не осталось.

– Какой-то ты равнодушный, – хмыкнул серфингист. – Ничего, скоро Банни закончит лекцию, и поедем заправляться эмоциями.

– Опять куда-то ехать? – простонал Лев. – Можно я просто умру прямо тут, а вы похороните меня мордой вниз. Потому что на спине лежать больно...

– Это рядом, полчаса и мы на месте. Давай, давай, не ленись.

Ехали и вправду недолго, но Лев извелся на заднем сиденье – никак не устроишься, то спину ломит, то шея ноет, а стертый крестец постреливает без предупреждения. В какой-то момент захотелось встать на четвереньки, высунуть голову в окошко и ехать, по-собачьи высунув язык, навстречу теплому австралийскому солнцу. Он так и сделал, но тут джип подбросило на кочке посреди проселочной дороги.

– Клепаный удод, – прошипел Лев, потирая растущую на затылке шишку. – Куда едем-то?

– Покажем тебе лучшую работу в мире, – откликнулась Аня с переднего сиденья. – Вот тебе хотелось когда-нибудь заниматься приятными делами, и чтоб деньги просто так капали?

– У меня в последние годы так, в целом, и складывалось.

– В этой твоей Гос-Дуре? С душилами в пиджаках не по размеру? Это вообще не считается, сам же понимаешь, – Юрка поймал взгляд пассажира в зеркале заднего вида и насмешливо подмигнул. – Нет, конечно, и в России можно найти что-то прикольное. Я в армии водил КраЗ с офигенной хреновиной. По бумагам она называлась «Аэродромный передвижной электроагрегат», целый дом из генераторов, трансформаторов, каких-то выпрямителей, я в этом не особо разбираюсь. Была еще связка кабелей, которые постоянно терялись. И вся моя задача заключалась в том, чтобы подогнать эту адскую колесницу к самолету с нужного борта. А дальше уже специально обученный специалист начинает суетиться, тянуть провода, заряжать аккумуляторы. И вот я сижу, курю «Эл-Эм», смотрю, как этот балбес мечется, поскальзываясь на обледеневшей полосе, втыкает штепсель озябшими пальцами, матерится вполголоса. Потом залезает в теплую кабину, берет дрожащей рукой сигарету и говорит: «Лучше бы я бросил к чертовой матери физмат и учился машину водить». Я в такие минуты чувствовал себя королем.

– А я после школы работал в цирке, – похвастался Лев. – Устроился на два летних месяца, как раз в самый гастрольный период. Должность моя называлась «помощник главного натягивателя».

– И ты натягивал? – хихикнула Аня.

– Еще как! За два часа до выступления мы с коллегами поднимали под купол цирка трапедии, обручи и качели, а потом тянули тросы к специальным кольцам и закрепляли по принципу «штоб звенело». Также приходилось менять опилки в манеже, а во время антракта выкатывать тумбы для львов или ставить барьеры для лошадей.

– Получается, ты променял настоящее шапито на политическое, – серфингист снова подмигнул. – И где лучше?

– Там, где нас нет, – буркнул Лев.

– Не соглашусь. Как раз здесь, в Австралии самые крутые вакансии, – Аня громко чихнула. – Вот, правду говорю. Помнишь, три года назад ты сломал руку, и мы хотели подыскать на сезон что-нибудь не слишком опасное? – она снова сморщила носик, явно выражая неодобрение экстремальными увлечениями. – Было много забавных предложений, ты еще выписывал и даже звонил кому-то...

– Не особо звонил, – смутился Юрка, – но помню кое-что. Была такая тема: тестировщик горок в аквапарках. Хорошая зарплата, командировочные расходы. Отпуск, прикинь! Это же так утомительно: каждый день по восемь часов радоваться жизни. Хотел туда устроиться, но по возрасту не прошел, им нужны рекруты не старше 25 лет. Потом звали в сеть пятизвездочных

отелей – инспектором по кроватям. Типа принцессы на горошине: приезжаешь тайком, как обычный гость, спишь всю ночь, а утром докладываешь начальству, насколько было мягко, комфортабельно и без клопов. Всего делов-то бока отлеживать, и время от времени сексом заниматься на тех же кроватях, чтобы проверить надежность и скрипучесть.

– И ты отказался? – удивился Лев.

– Я отказалась, – поправила Аня.

– Точно, – подтвердил Юрка. – Заартачилась, кисуля моя ревнивая. Говорит: «С кем ты там собрался шпилиться? Я с тобой по притонам ездить не буду!»

– При чем тут ревность? Просто секс не должен становиться частью работы, иначе он быстро надоест и превратится в рутину.

– Да, солнышко, я же с тобой сразу согласился. К тому же там работа временная, как примелькаешься в отелях – уволят. Это все равно, что смотритель кораллового острова. С виду ваще круто. Собственный песчаный пляж и куча денег на счет. Все, что требуется – выбирать красивые места и делать селфи для соцсетей. Три месяца в раю, а потом: «До свидания, ваша рожа уже надоела подписчикам. Везите другого смотрителя!» Нет, если уж бросать серфинг, так ради чего-то волшебного. Я с детства мечтал работать на «Красном Октябре», в цехе по проверке качества. Чтобы конфеты с утра до вечера, и эклеры на обед. Представь себе, чуть не сбылось. Звали на кондитерскую фабрику в Мельбурне, дегустатором пирожных. Ежедневно по три кило сладостей, плюс бесплатный тренажерный зал, чтобы не разжирел, и стоматолог за счет фирмы.

– И ты отказался? – повторил Лев с той же удивленной интонацией, словно заторможенное эстонское эхо, и перевел взгляд на Аню. – Или это снова твое... Обоюдное решение?

Девушка фыркнула и надула губки.

– Нет, я просто понял, что детские мечты должны сбываться в детстве, – усмехнулся Юрка. – А взрослые не мечтают. Они подходят к жизни ответственно и занимаются по-настоящему серьезными проектами. Поэтому рано или поздно с серфингом придется завязать. Да, дорогая? И найти что-нибудь перспективное. Во-первых, я бы очень хотел устроиться в команду раскрашивателей облаков. Это ваще улет! Они разбрасывают с самолета-опылителя цветные порошки для улучшения пейзажей над пляжами и настроения отдыхающих. Делают зеленые облака или пурпурные, это нереально красиво. Но сначала нужно выучиться на пилота, туда без лицензии не возьмут. Либо второй вариант: стану объяснителем шуток в кино.

– Это как?

– На каждом сеансе в зрительном зале обязательно найдутся один-два человека, которые не врубаются в шутки. Замечал такое? Все хохочут, пополам сгибаются, а эти сидят, словно им швабру вставили, головой вертят и не понимают, над чем смеяться. Вот тут им и пригодился бы объяснитель шуток.

– И что, думаешь, они согласятся платить деньги за твои подсказки?

– Нет, конечно. Заплатят производители фильмов.

– С чего вдруг?

– Сейчас мир повернут на идее: помогать людям с ограниченными возможностями. Не только пандусы и отдельные стоянки, культура тоже всюю топит за инклюзивность. В музеях у каждой известной картины поставили объемные гипсовые копии, чтобы слепые могли любоваться шедеврами на ощупь. Так и тут. Достаточно просто убедить всех, что отсутствие чувства юмора – это тоже чуть-чуть инвалидность, и что такие зрители очень страдают, когда не могут посмеяться вместе со всеми. Тогда при покупке билета можно будет взять наушник, как у секретного агента, и я, как синхронный переводчик, буду объяснять, в чем соль каждой шутки. За стабильную зарплату. Круто же?

– Или можно завязать с фантазиями, и вспомнить, что три года назад мы уже выбрали идеальную работу, – перебила его подруга. – Работу, которая обеспечила нам крышу над голо-

вой и стабильный доход. Работу, с которой ты постоянно сбегаешь в эти свои бухты с чумовыми волнами...

– Да, да, работа лучше не придумаешь, – поспешно согласился Юрка. – Мы – обниматели во'мбатов.

– Кого-кого? – не понял Лев.

– Во'мбатов, – повторил обниматель.

– В смысле вомба'тов?

– Нет, именно во'мбатов, – Аня произнесла слово медленно и с четкой артикуляцией. – Так правильное, по-научному.

– А как же...

Привычный мир рушился уже несколько недель, но почему-то именно сейчас Лев осознал всю безвозвратность происходящего и окунулся с головой в пронзительную тоску. Выходит, Егор был не прав? Нет такого зверька – вомба'т? Может быть, и серого котейку зря в ботинок носом тыкали...

– Подожди, а если это как с Пика'ссо и Пикассо'? Художник родился в Испании, но жил во Франции, поэтому испанцы его называют с ударением на А, а французы на свой манер, с ударением на О. И все давно согласились, что можно и так, и так.

– Ващще ничего не знаю про это. Местные говорят во'мбат, а нигде за пределами Австралии эти зверьки не водятся.

– Подожди, подожди, – Лев цеплялся за соломинку из последних сил, – а Ре'мбрандт?

– Хере'мбрандт, – завершил дискуссию Юрка. – Все, мы приехали.

Лев Мартынов присоединился к интернет-сообществу «Заповедник № 12» Фонда друзей дикой природы Австралии

Остров Кенгуру давно пора переименовать, поскольку никаких кенгуру здесь нет. Гигантских прыгунов перевезли на материк, чтобы не объедали тех представителей сумчатых, которым грозит вымирание.

– Смотри, как тут все устроено, – говорил Юрка, пока они взбирались на холм. – Вдоль побережья пляжи и парки для туристов. Вон там, видишь? Где скалы? Вот это зона отдыха. А в глубине острова – огороженные заповедники. Наш самый крупный, даже эвкалиптовая роща есть, там коалы живут. Вообще-то мы не должны их опекать, но было интересно познакомиться. Прикинь, раньше зоологи думали, что коалы ващще не пьют потому, что получают жидкость из эвкалиптовых листьев. А я налил чашечку – пьют, за милую душу. Даже водку пьют. Плюются, но пьют.

– Ты что, заставлял коалу выпить водки? – возмутилась Аня.

– Я? Никогда! – серфингист вытянулся по стойке смирно, как солдат перед командиром. – Заставлял... Скажешь тоже. Он сам схватился за стакан и...

– Не хочу ничего знать о твоих собутыльниках. Я пойду в контору, заполнять дневники наблюдений, а вы – марш обниматься! До заката всего час.

Они спустились с холма в небольшую ложбину, заросшую редкими пучками трав.

– Далеко еще? – спросил Лев, потягиваясь до хруста в спине.

– Считай, уже пришли. Видишь, здесь земля мягкая, ее удобно копать, а вомбаты в норах живут, – Юрка негромко посвистел, и в конце вывел трель на обидно-осуждающую ноту.

Как-то ты резко постарел, Левушка. Лет десять назад готов был пол-Москвы прошагать, причем именно пешком, не тратя денег на проезд, чтобы хватило хотя бы на три гвоздики, – и все ради обнимашек.

– Сдались мне эти обнимашки...

– Зря отмахиваешься. Найди того, кто будет обнимать тебя каждый раз, как проснешься. Добрее станешь. Обнимашки повышают в организме содержание гормона радости, а радость людям жизненно необходима.

– А во'мбатам? – Лев впервые произнес искореженное слово вслух, почувствовал насколько это неприятно его губам и языку, и пообещал себе в дальнейшем избегать подобных гнусностей. – А животным зачем обниматься с людьми?

– Кто их поймет? – Юрка снова посвистел и прислушался, будто ожидая ответа. – Так уж тут повелось. Днем во'мбаты спят, вечером вылезают из норки, и если снаружи их не встречают с распростертыми объятиями, то у них начинается затяжная депрессия. А расстроенный во'мбат вряд ли захочет размножаться.

– То есть люди для них что-то вроде виагры? Повышают интерес к размножению?

– Тс-с-с...

Из-под земли раздалось тихое ворчание, напоминающее бульканье кипящего супа в кастрюльке с плотной крышкой.

– Только не делай резких движений, – предупредил Юрка вполголоса. – Захочешь что-то сказать – лучше шепотом. Пусть вся орава к тебе привыкнет.

Лев кивнул, хотя и не представлял, какие темы ему хотелось бы обсудить с толпой вомбатов.

В этот момент из круглого лаза высунулся широкий нос, покрытый торчащей во все стороны щетиной. Нос шевелился, стараясь разобраться в смешении запахов, доносящихся с поляны, угадать зловещие нотки опасности. Потом из норы показалась большая серая голова. Вомбат подслеповато щурился, а его округлые ушки встали торчком, классифицируя отдаленные шорохи: вдруг послышится поступь хищных лап, не сулящая ничего хорошего? Просканировав местность, зверек вышел на свет, сделал пару шагов на нетвердых лапах, не проявляя к людям особого интереса. Обгрыз пучок травы, только самые верхушки – видимо, они вкуснее. Задумчиво пожевал, его пухлые щеки с белыми пятнами забавно подпрыгивали и опускались. Вылитый хомяк, только увеличенный в двадцать раз.

– Это Гоша, – представил вомбата Юрка.

– Почему Гоша?

– Потому что он терпеть не может грязную обувь.

Гоша вразвалочку подошел и потерялся о запыленные сапоги. Как огромный кот. Только коты трутся бочком, вроде как случайно, проходя мимо, а вомбат прижался к голенищу бедром и стал елозить вверх-вниз, приседая на задних лапах. Его жесткая шерсть надраивала кожу не хуже обувной щетки. Когда левый сапог заблестел, Гоша счел свою миссию выполненной и поковылял дальше. Надо будет следующему подставить правый сапог, пусть резвится...

– На вомбата нельзя набрасываться. Чтобы обняться, нужно лечь на спину, смотри и делай в точности, как я, – Юрка опрокинулся навзничь и раскинул руки в стороны, крестом. – Вомбат обрадуется и почти сразу заберется к тебе на грудь. Пока стоит на тебе, не двигайся, но как только ляжет, начинай чесать его за ушами, постепенно спускаясь к спинке. Вот так, – он пробежал пальцами по темной полоске вдоль хребта Гоши. – Дальше соединяешь руки. Обнимай не крепко, но душевно. И начинай медленно садиться...

Пресс качал когда-нибудь?

– А что, не заметно? – обиженно воскликнул Лев.

– Тот же принцип. Поднимаешь верхнюю часть тела, только с вомбатом на груди. Главное, не садись резко. Можешь напугать.

– И что тогда? Укусит?

– Нет, начнет вырываться, отталкиваясь задними лапами. А у него когти длинные, острые – чтобы землю рыть удобнее было. Распорет тебе подмышку до самых ребер, – Юрка говорил спокойным тоном, чтобы не спугнуть зверька. – Поэтому неторопливо поднимаемся, ваще

неторопливо. Вот та-а-ак... Вот и все-е-е. Да, Гоша? Мы сидим и заряжаем друг друга позитивной энергией.

– И сколько так сидеть?

– Пока ему не надоест. Но вообще им нравятся обнимашки, видишь? – Гоша расслабленно повис на руках у человека и блаженно похрюкивал. – Как только вомбат начинает ерзать и проявлять беспокойство – плавно и медленно опускаешься на спину, потом разжимаешь руки. Он сам уйдет. Попробуй, вон еще один вылез.

Лев скосил глаза и увидел угольно-черную зверюгу, размером с ротвейлера. Этот уже не забавный хомячок-переросток, а карликовый медведь. Коренастый и свирепый, судя по вздыбленному меху на загривке. Вомбат потянулся, перебирая лапами как пантера, готовящаяся к прыжку, потом выпрямился и стал раскачиваться из стороны в сторону.

– Чего это с ним? – шепотом спросил Лев.

– Вызывает тебя на честный бой, – улыбнулся Юрка. – Это нормально для первой встречи. Просто стой и не шевелись.

Вомбат издал глубокий горловой звук, напоминающий мычание, и побежал. Короткий хвост торчал строго вверх, напоминая ракету «Искандера» перед стартом. Через мгновение черная голова ткнулась в колени Льва, заставляя отступить на шаг.

– Он бодается!

– Это хорошо, – отозвался Юрка, по-прежнему теребящий своего вомбата. – А теперь притворись, что тебе больно и падай на спину.

– Зачем?

– Тогда вомбат решит, что он победил, и перестанет тебя бояться. Падай, говорю. Только ногами в воздухе не болтай. Спугнешь.

Лев присел на корточки и осторожно бухнулся на спину, стараясь не думать о том, как нелепо выглядит. Вомбат обрадовался, запыхтел и подкрался поближе. Пахло от него шерстью, но не противной свалявшейся, как у грязной псины, а теплой, уютной – словно от черного свитера, который лежал в бабушкином шифоньере, засыпанный шариками нафталина и сушеной полынью.

Мохнатый нос с любопытством обнюхал сапоги и джинсы. Вомбат приближался и продолжал мычать, но уже беззлобно. Он напомнил Льву крестницу Варвару, когда та еще не умела говорить, а только вот так же добродушно мычала, пускала слюни и ползала на четвереньках. При этом, взбираясь на взрослых, Варя умудрялась локтями и коленками надавить на самые болючие места. Не обладая даже первичными знаниями в области анатомии, исключительно по наитию. Вомбат действовал примерно так же. На его коротких лапах не было острых локтей или коленок, зато имелись когти, и они больно царапали живот под задравшейся рубашкой. Вся разница заключалась в том, что девочка в финале обычно била лбом в подбородок, а черный хрюнул по кадыку. И сразу лег, подергивая чутким ухом, вслушиваясь в сдавленное хрипение человека. Лев пытался вдохнуть, но воздух в легкие не поступал. В ушах стучала кровь, вперемешку с юркиным речитативом: «Расслабься, успокойся...» Он-то все это за зарплату терпит и за дом казенный, а еще за подружку отдувается. Понятно теперь, почему Аня предпочла стать на один вечер канцелярской крысой, а не возиться с сумчатыми извергами.

Обмен позитивными энергиями... Ну-ну. Эта ваша милота пушистая весит килограмм тридцать, не меньше. На грудь будто поставили тяжеленный куль с мукой, потому и не дышится. Спасибо еще, что век-волкодав на плечи не кидается. До кучи...

Хотя с чего бы он – волкодав? Это двадцатый век был угрюмым и клыкастым, перегрызал людям глотки на раз. А ему на смену пришел ленивый, толерантно-плюшевый, выращенный в тепличных условиях, избалованный искусственными интеллектами и халявным вай-фаем. Эмоционально-незрелый инфлюенсер, нахраписто требующий внимания. Такой грызть не ста-

нет. Он если и способен причинить боль или страдания, то чисто случайно, например, задушит обнимашками, как вот эта заповедная сволочь.

То есть, двадцать первый – век-вомбат?

Получается так...

Так, Левушка, не время философствовать! У тебя уже в глазах темнеет. Это кислородная недостаточность. Забудь предупреждения и инструкции, просто сбросить эту тяжесть с груди и дыши. Дыши, не отключайся! Сделай глубокий вдох. Не получается? Тогда встань или хотя бы сядь. Не зря же тебя про пресс спрашивали...

Лев резко поднялся, перевернул вомбата, да еще и пинка отвесил – случайно, конечно. Зверюга кувыркнулась назад, демонстрируя розовые пятки, совсем как у человека, и завывая от страха. В последний момент, уже падая в траву, черный успел вывалить все свое недовольство. Прямо на джинсы.

– Вот дерьмо!

– Точно, это оно и есть. Причем, обрати внимание, что вомбат какает не шариками, а кубиками. Их кишечник – это нечто феноменальное!

– Блин, ты серьезно? Предлагаешь мне рассматривать...

– Засохшие кубики потом используются для строительства перегородок в норках.

– Юрка, ну хорош!

– А ваще прекрасно, что Гоша тебя пометил, теперь остальным вомбатам будет легче принять чужака.

– Я больше никого из этих тварей к себе не подпущу, – отрезал Лев.

Он злобно посмотрел на вомбатов, лениво выползающих из нор по всей поляне, а потом вздрогнул и удивленно переспросил:

– Ты сказал: Гоша? Но ведь Гоша тот, щекастый.

– Я их всех зову одинаковым именем. Только характеристику добавляю. Этот – Черный Гоша. Там, видишь? Из травы лыбится? Тупой Гоша. Вот эта самка – Ленивая Гоша. А тот, который вылез первым – Синий Гоша.

– Синий? У него где-то есть синее пятно?

– Нет, но у него походка алкаша, вечно шатается и спотыкается, как будто прибухнул.

Кстати, мы-то за встречу еще не того...

Юрка выдержал многозначительную паузу.

– Ты же за рулем.

– Точно, но на острове Кенгуру нет гаишников. Да шучу, не закатывай глаза. Нас Банни обратят подбросит, когда закончит с бумагами возиться.

Лев вздохнул и смирился.

Лев Мартынов (о) надувает шар

26 мая, 3:19

Остров Кенгуру, штат Южная Австралия

Доступно: друзья поблизости

Посреди ночи его разбудил дикий грохот. Лев испуганно заморгал, не соображая, что происходит. Прижал руку к сердцу: колотится. Прислушался: в доме тишина. Да и не могло грохотать внутри, в этих маленьких комнатах просто не поместится нечто столь массивное, чтобы упасть с таким звуком. Приснилось, наверное.

Лев повернулся на бок, смежил веки. Дремота по капельке заливала сознание сахарным сиропом, тот застывал, превращаясь в мутноватый купол, способный защитить от любых посторонних раздражителей. Но в последний момент хрупкая оболочка разлетелась на мириады осколков.

Снова грохот.

Точно с улицы доносится...

Взрывы? Вряд ли. Австралия ни с кем не воюет. Даже если начнется мировой конфликт, сверхдержавы будут бомбардировать друг друга, а на эту часть света ядерную боеголовку тратить бессмысленно. Разве что случайная залетит. Но такой сюжет – из области фантастики, ничего общего с реальностью не имеет.

Тогда что это за звуки?

Шахтеры пробивают штольню динамитом? Или карьерный самосвал взрыкивает? Нет, здесь же сплошные заповедники. Тишина и покой. Наверное, поэтому обычные звуки кажутся такими громкими. Стены в доме тонкие, сплошная фанера. Да и бахнуло где-то поблизости. Над крышей.

Он поднял глаза и увидел, что над изголовьем кровати сидит металлический лебедь с изогнутой шеей, и держит в клюве цепь, на которой качается белый шарик размером с кулак. Лев потянулся к выключателю. Лампа озарила комнату приятным матовым светом. Вот так-то лучше. Теперь, услышав очередной оглушительный тарарам, Лев сразу понял, что это.

Гром.

Самый обыкновенный гром.

Гроза приближается. Почему же на стеклах не видно ни капли дождя? Только белый шар светильника отражается в темной пропасти за окном. Ничего, судя по громовым раскатам, тучи вскоре доползут сюда. Скорее бы. Под шум дождя всегда лучше спится.

Лев зевнул и щелкнул выключателем. Комната погрузилась во тьму, но белый шарик за окном не исчез.

Неожиданно...

Свет снова вспыхнул. Теперь в стеклах отражались две сверкающие сферы. Причем одна оставалась неподвижной, а другая медленно приближалась. Лев крепко зажмурился, в который уж раз зарекаясь не пить, и искренне надеясь, что глюк исчезнет. Открыл глаза. Нет, оба шарика по-прежнему тут. А если выключить лампу? Остался только один. Логично.

Вот только логике не под силу объяснить секрет фокуса: откуда взялся этот белый кругляш и почему он движется. Причем, такое впечатление, что движется не снаружи, а уже в комнате. И это не обман зрения. Лев пригляделся – шар прожег в оконном стекле аккуратную дыру и, протиснувшись мимо оплавленных краев, неспешно продолжал плыть по воздуху. Чертовщина какая-то! Может, это призрак Колобка, жестоко растерзанного лисой? Или...

Он похолодел, услышав очередную канонаду приближающейся грозы.

Шаровая молния!

Лев с ужасом рассматривал шар, медленно, но неотвратимо приближающийся к кровати. Аккуратный маленький, чуть больше теннисного мячика и такой же пушистый на вид, только вместо ворсинок – искры. Они не разлетаются во все стороны, как рисуют в мультфильмах, просто хаотично мечутся по поверхности, вспыхивая то на левой половине, то на правой. Четкое разделение на полушария заметно невооруженным глазом: прямо по центру молнии проходит полоса, с мизинец толщиной, яркая и пульсирующая. Блестящее колесо с раздутым самомянием, катящееся прямо к намеченной жертве.

Лев замер, боясь пошевелиться или даже моргнуть. Он чувствовал исходящий от шара запах, напомнивший о вспаханном черноземе и вареных раках. А вот жара, вопреки ожиданию, не ощущалось, наоборот, ткни пальцем – почувствуешь лютый холод. Но кто же, в своем уме, ткнет в смертельно-опасную штуковину? Шарик плыл, поднимаясь все выше и выше. Похоже, его притягивает светильник, висящий над изголовьем. Правильно, железо прекрасный проводник электрического тока, ступай к нему, а меня не тронь...

Молния двигалась, чуть покачивая выпуклыми половинками, как Алессандра Амбросио на подиуме. Пролетела над левой рукой, заставляя волоски вставать дыбом, а затем зависла

примерно в тридцати сантиметрах над головой Перелётного жениха и задумалась. Лев зажмурился от нестерпимо-яркого света, но сквозь ресницы наблюдал, как по круглым бокам перекатываются разноцветные вспышки – лимонные, лазурные и салатные. Неужели эта гадина и вправду умеет думать, и сейчас рассуждает, какой объект притягательнее? Выбирает между железным лебедем и мертвенно-бледным лицом? Колеблется? Или капризничает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.